

АЛЕКСАНДР ПРОЗОРОВ
АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

ДРАКОНЫ СЕВЕРА

КРЕСТ И ПОРОХ

Драконы Севера

Александр Проzorов

Крест и порох

«ЭКСМО»

2014

Прозоров А. Д.

Крест и порох / А. Д. Прозоров — «Эксмо», 2014 — (Драконы Севера)

На отогревшемся под колдовским солнцем Ямале жизнь похожа на рай: шаманы колдовством загоняют динозавров и мамонтов под копья охотников, рыба сама плывет в корзины, огороды круглый год плодоносят, в легких хижинах тепло и летом и зимой. Никто не желает слушать «черную шаманку», предрекающую смерть обитателям мира, не отказавшимся от битв и страданий. Ее ждет жестокая казнь, дабы проклятиями своими колдунья не накликala беду... Однако казачья ватага под командой атамана Ивана Егорова уже пересекла границу обширного мира чародеев и узнала, что в каждой деревне имеется золотой идол, которому поклоняются язычники...

© Прозоров А. Д., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Александр Дмитриевич
Прозоров, Андрей Посняков
Крест и порох**

© Прозоров А., Посняков А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Осень 1583 г. П-ов Ямал

Дальний дозор

Золотой идол сиял под полуденными лучами, словно маленький осколок солнца: гладко отполированная голова, широко разведенные плечи, полусогнутые руки, плотные, слегка расставленные ноги и массивное, могучее, выставленное вперед мужское достоинство...

– Фу, срамota! – Русобородый отец Амвросий, тряхнув гривастой головой, поднял из-под ног камень и что есть силы ударил по окаянному отростку, расплющивая его и изгибая ближе к туловищу.

Собравшиеся округ казаки невольно охнули, многие даже дернулись руками к низу живота. Однако священник с праведной уверенностью расплющил достоинство и второго идола, после чего отбросил булыжник и брезгливо отер ладони о полы рясы.

– Таково и надобно с мерзостью сией поступать! – торжествующе провозгласил он, отступая в сторону, ближе к атаману Ивану Егорову.

Два захваченных в ближних деревнях идола, каждый высотой в локоть, никакого сопротивления ему, понятно, оказать не смогли и теперь, несмотря на прежний блеск, выглядели жалко и позорно, вызывая у мужчин скорее сочувствие, нежели презрение.

– Дозволь, атаман, слово молвить! – вскинул руку немец Ганс Штраубе из Мекленбурга, затесавшийся в казачью ватагу благодаря не раз оказанной храбрости и даже числившийся в ней сотником, пусть пока никем и не командуя. Ныне, в татарской куньей шапке и потрепанном кожухе, от всех прочих ватажников он почти не отличался. Разве только стриженным подбородком, брить который в дальнем походе было иноземцу зело неудобно. Не дожидаясь ответа, воин стал протискиваться вперед, распахивая плечом сотоварищей, вышел к стоящим на чурбане идолам.

– Сказывай, Ганс, – согласно кивнул атаман.

– Знаю я, други, нема у нас соли! – решительно провозгласил немец. – Порох на исходе, свинца того менее, об иных припасах и не вспоминаю. Однако же, слава святой Бригите, золото мы нашли! – указал он на сверкающих идиолов. – Таковых чурок в каждой деревне дикарской по штуке выйдет, а в больших, главных капищах оные в рост человеческий найдем, не менее!

Ганс Штраубе шумно втянул носом воздух, обвел взглядом одобрительно зашумевших казаков и продолжил:

– Коли с идолами сими вернемся, други, то попомните слово мое, моментом охотников за сокровищами здешними не одна тыща соберется! Князья и бояре с дружинами примчатся, сам Строганов с людишками заявиться не побрезгует! И не достанется нам, други, ни славы, ни злата, ни простой людской памяти. Однако же, коли капища языческие сами разорим, здесь каждому по идолу вот такому на жизнь выйдет и еще останется, что в казну сдать и чем перед Строгановыми отчитаться. И для славы хватит, доннер веттер, и для отчета, для наград царских за службу верную!

– Верно немец сказывает! – тут же подхватили воины. – Любо Гансу! Ладно немец излагает!

– Не надобно нам чужих в деле нашем! – тут же вскинул сжатый кулак Штраубе. – Сами управимся!

– Са-ами!!! – поддержали его казаки. – Любо немцу! Сами!

Казачий атаман Иван Егоров, сын Еремеев, в задумчивости потер лоб, не торопясь с ответом. Ибо приговор свой провозглашал казачий круг – однако исполнять решение предстояло ему, атаману. Между тем на берегу морском, возле недостроенного острога, собралось всего семь десятков мужчин. Причем довольно потрепанных за время долгого похода, в истершихся грязных одеждах, частью потерявших оружие, израсходовавших все припасы. Семьдесят воинов вздумали начать войну супротив целого государства, пусть и дикарского, языческого. Но все же имевшего только деревень раз в десять больше, нежели у него людей уцелело, плюс к тому – города покамест неведомые, рати свои, в сражения пока не вступавшие, да еще и колдунов могучих и опытных, а не тех недоучек, что по окраинам тупоголовых менквов пугают.

Однако же правдой было и другое: чем больше будет армия россиян, тем меньше добыча на каждого. Один идол, подобный стоящим сейчас на чурбане, легко позволит ему с Настенькой поместье обширное купить али дело какое и жить до гроба в безбедности, детей и внуков растя. Чтобы каждому из казаков по идолу досталось – не меньше сотни деревень разорить надобно али пару капищ больших. Это ежели самим. Но коли из-за Каменного пояса большая армия подойдет, то со всей колдовской страны хорошо коли десять рублей на воина прибыток получится. И он, атаман, тоже среди простых казаков окажется. От командования его бояре знатные отодвинут сразу, в сем боярский сын Егоров не сомневался. Службы царской изведаль досыта, законы местнические на своей шкуре изучил. Кто по рождению знатнее – тому и слава вся, и почет, и добыча.

– Вода-то у берега, други, морская, соленая! – подал голос Костька Сиверов, успевший поработать в юности солеваром. – В котлах наших малых кипятить ее, знамо, муторно, однако же на житье хватит. На время обойдемся, не пропадем.

– Порох со свинцом из воды не вываришь, – покачал головой атаман. – А их у нас на пару боев всего осталось, коли всерьез ворог навалится.

– Мыслью я, Иван Еремеевич, морем Студеным до Печоры дойти можно, – предложил другой казак. – Тут, мыслью, недалеко. Коли с ветром повезет, за месяц туда-обратно обернуться можно и в остроге Пустозерском порох со свинцом прикупить, особо делами своими не хвастаясь...

– Нехорошо сие, не по совести, – мрачно возразил священник. – За все снаряжение наше купцы Строгановы платили. Иван Еремеевич на кресте поклялся затраты сии им пятикратно возместить и торг всякий токмо через Строгановых вести! Коли мимо них снаряжение покупать, сие есть клятвопреступление, грех смертный. Опять же, вестей не имея, купцы могут иных казаков нам на выручку послать. Тогда и вовсе сраму не оберемся...

– Крестоцелование нарушать нельзя, это верно, – согласился немец. – Однако же, у Строгановых закупаясь, золотишком ведь можно и не хвастаться! Опосля в нем признаться, как с делом покончим... Тут уж никакого обмана не будет, клянусь святой Бригитой! Мы тогда и за снаряжение сполна уплатим, и товара мимо купцов не провезем. Что скажешь, атаман?

– Коли о золоте не упоминать, – задумчиво ответил Егоров, – тогда иной товар купцам показать надобно. Таковой, чтобы и пороха за него не пожалели, и в уплату за долг приняли, и помощи не снарядили, дабы дело расширить. У нас же здесь ни мехов не напромышлять, ни хлеба не собрать, ни сала или пеньки не заготовить. Чем платить, коли золото припрятать покамест собираемся?

В этот раз казаки промолчали, не зная, что ответить своему воеводе. Над кругом повисла тягучая тишина.

– Не томи, атаман! – первым не выдержал молодой казак Ондрейко Усов, усов, несмотря на прозвище, еще не наживший. – Сказывай, как сам мыслишь?

– Мыслью я, други, – негромко ответил Иван Егоров, – не выстоять нам без свинца и пороха супротив племен многолюдных здешних, чародейскими хитростями владеющих. Истребят. Однако же и добычу нашу честную боярам-купцам припозднившимся дарить мне

тоже неохота. Посему, полагаю, пока припасы имеются, надобно нам, на деревеньки малые не размениваясь, главное святилище исчислить, на него набег совершить да большого идола сюда увезти. Такого, чтобы, поделив, все мы остаток жизни себе обеспечили. А опосля и обоз к Строгановым за припасом отправлять. Тогда уж, даже если обмануть нас купцы с боярами соберутся, все едино нищетой голозадой не останемся. Что нами взято и поделено – то уж точно нашим останется!

Восторга такое предложение не вызвало – как ни крути, а предложение немца забрать себе все выглядело заманчивее. Однако казаки были людьми разумными и опытными и потому правоту воеводы вынужденно признали, кивая и переглядываясь.

– То верно, супротив зверья здешнего без пороха не устоять... – вздохнул и Ганс Штраубе. – У иных шкуру иначе чем из фальконета вовсе не взять. А завалить токмо ядром пушечным выйдет.

– Истуканы языческие тяжелы будут, – приободрил воинов отец Амвросий. – Малые и то пару пудов весят, не менее. Коли полпуда на нос вам мало кажется, служивые, то вы вовсе страх потеряли. За такую добычу любой князь остаток дней бога благодарить станет, а вы нос воротите!

– Не воротим, отче! – опершись на свой дрын, покачал головой рослый и могучий Михайло Ослоп, на две головы возвышаясь над прочими казаками. – Коли по полпуда на нос взять выйдет, так и мы благодарить станем...

– Хотя за два пуда кланяться вчетверо готовы! – быстро закончил за него рыжебородый Василий Ярослав, и по рядам казаков пробежал легкий смешок.

– На сем и порешим, – кивнул Иван Егоров, подводя итог казачьему кругу. – Еще месяц здесь потратим, исчислим капище изрядное, в нем большой куш попытаемся взять, дабы каждому до конца дней хватило... А потом посланников за припасами снарядим и Строгановым в открытии своем признаемся. Любо?

– Любо, любо, – недовольно пробурчали воины и стали разбредаться по острогу, возвращаясь к делам.

Принятое решение никому из них не нравилось... Но все они понимали вынужденность подобного шага, и потому атаман мог смело полагаться на любого – приказы выполнять будут, смуты и недовольства не возникнет. Раз круг постановил сделать одну последнюю попытку разбогатеть, после чего поделиться открытием с купцами – значит, так тому и быть.

Надо сказать, Иван Егоров тоже особой радости не испытал. Ведь круг постановил – а ему исполнять.

Семь десятков казаков против целой здешней страны...

Однако подобная возможность обеспечить себя и даже потомков на несколько поколений вперед, прославиться, выбиться наверх к «местам», в знатные боярские рода, выпадает лишь раз в жизни. Упустить столь редкостный шанс будет куда глупее, нежели рисковать всем в случившейся безнадежной войне.

– Убери покамест идолов сих с глаз долой, отче, – попросил священника атаман. – Закопай в церкви под алтарем, пусть там часа своего дождаются.

Храм божий был одним из первых строений в быстро растущем остроге. Первым, понятно, на высоту пяти сажень поднялась над берегом реки, возле вытащенных на отмель стругов, широкая опорная башня с четырьмя боевыми ярусами. В ней одной, коли беда случится, можно было оборону держать, в ней же и от непогоды укрыться. В тесноте, да не в обиде. Возле башни казаки сладили и простенькую церквушку с единственным приделом и островерхим шатром – дабы было где на колени пред Господом опуститься, в грехах покаяться да отпущение получить. Опосля, из уважения, избу для атамана сложили. В шатре, под ветрами холодными, что с моря дули, с женой молодой воеводе Егорову было холодновато.

Ныне казаки, выволакивая на лямках, словно бурлаки, из ближнего леса еловые бревна, складывали из них еще две башни, успев поднять обе уже по два яруса. И каждый раз, когда перекрывался очередной потолок, в первой, главной башне становилось чуточку свободнее.

Еще дней семь – и башни будут закончены. После этого между ними останется врыть частокол, и вот тогда острог уже будет настоящей, прочной крепостью с обширным внутренним двором, где и людей укрыть можно, и припасы. Скотину загнать, беженцев спрятать, торговый организовать, армию для похода накопить. Твердыня...

Пока же, чтобы не мешать работе, Иван Егоров спустился со взгорка к морю, подставил лицо холодному соленому ветру, непрерывно дующему в сторону горячего колдовского солнца. Остановился в нескольких саженьях от прибоя, сложил руки на груди, устремив взгляд к темному, почти черному горизонту.

– О чем тревожишься, любый мой?! – неслышно подкравшись, взяла его под локоть Настя. Жена...

– Колдунов давно не видно, – накрыл ее пальцы ладонью Иван. – Не к добру. То ли потеряли, то ли задумали что и готовятся... Ты ведь ведаешь, злопамятны они. Так просто побега нашего и разора не забудут.

– Может, и верно потеряли? Они ведь к теплу своему привыкли. А здесь вон, того и гляди ветер снег с моря понесет.

– Как раз сие мы, Настенька, и задумывали. Да токмо, на лучшее надеясь, к худшему готовиться надобно.

– О том не тревожься, атаман! Клянусь святой Бригитой, мы вояки битые, нас врасплох не застанешь. – Вслед за женой Егорова спустился к морю и его верный сотник. – Признайся лучше, друже, ты путь к городам дикарским ведаешь али для успокоения казацкого набег на капище большое пообещал?

Немец остановился рядом, поежился, прихлопнул свою кунью шапку, насаживая еще глубже на голову, запахнул засаленный кожух.

– Есть одна мыслишка, Ганс, – признался атаман. – Скользящая чуток, сумнительная, однако же есть... – Он снял ладонь Насти со своего локтя, вывел жену вперед, обнял за плечи: – Мы когда с милой моей в полоне у сир-тя этих проклятущих томились, обратил я внимание на мастерство их колдовское. Вроде бы и велико оно у чародеев, однако же не всесильное. Я когда думал о чем просто, они сие понимали. А задумки потайные, не яркие, не замечали они, словно вовсе таковых и не было. Побег я задумал – мысли сии не услышали. Тропы разведывал – не догадались. С клятвой обмануть собирался – не прознали. А то, что о золоте постоянно размышлял, о поместьях, о знакомстве своем с государем – вот о том все знали в точности да нахваливали и наградить златом и землей обещали.

– И че? – не понял Штраубе.

– А то, что глуховаты колдуны в происках своих! – фыркнул в ухо жене атаман, заставив Настю вскрикнуть. – На умение свое сир-тя шибко полагаются, а в умении сем слепы, аки кроты. Вот самомнением их и хочу воспользоваться. Коли долбленку взять со струга моего, ветками борта и гребцов прикрыть, веслами шибко не размахивать, думать постоянно о листьях зеленых, вкусных веточках, цветках пахучих... Так лодку сию чародеи с десяти сажен не углядят, за тварь болотную примут. Коли большой, да о траве мыслит – стало быть, зверь, а не воин. Они ведь не столько глазами, сколько чарами сторожат... Сам себя не выдашь, они и приглядываться не станут.

– Это верно, – неожиданно согласилась Настя. – Меня знахарки тамошние тоже умением сим поразить старались, однако же окромя страха ничего учуять не смогли. Даже когда пить хотела али еще чего – и то не понимали, пока сильно сим мучиться не начинала.

– От оно! – обрадовался подтверждению жены Егоров. – Куда плыть, оно понятно, аккуратно под солнце колдовское. У селений мелких не задерживаться, токмо цели своей держаться

да про траву думать. А как большой град встретится – путь к нему надобно запомнить да за остальными казаками вернуться. Коли сие у меня получится, тревоги не вызову, колдунам не попадусь – стало быть, и большие струги тайно пройти смогут. Соберемся да вдарим неожиданными! При таком раскладе пороха много не уйдет, испуга для победы хватит...

– Постой-постой, Ванечка! – встрепелась Настя. – Ты чего, сам задумал плыть? Не пушу!!! Хватит одного раза, в лапах чародейских намучился! Пусть другой теперь кто сплавает.

– И то верно, атаман! – громко хмыкнул Штраубе. – Где это видано, чтобы воевода лазутчиком в дозоры уходил? Не, то дело не боярское – атаман здесь, в остроге надобен! Я лучше сплавую!

– Ты не годишься, – мотнул головой Егоров. – Горяч, земель наших не знаешь, с колдунами не сталкивался. Нет! А мне их повадки уже знакомы...

– Ты атаман! – снова напомнил немец. – Ты командовать должен, коли враг нападет, ты строительством руководить обязан, к походу большому ватагу готовить. Тебе уходить нельзя. А мне можно!

– Нешто я тебя не знаю, Ганс? Ты, чуть опасность увидишь, ровно порох вспыхиваешь! Меч из ножен – и ага, вперед головы рубить. Коли же рубить некого, о том лишь мыслишь, как подловить врага, выманить или перехитрить. Где тебе о траве и ветках несколько дней кряду помышлять? Тебя на сию скукоту токмо на четверть часа хватит, да и то вряд ли!

– Тебя послушать, так для дозора дальнего токмо дурак тупой пригоден! Таковой, что сам ни о чем не мыслит и лишь приказанное тупо исполняет!

– Тупой и исполнительный? – задумчиво переспросил его атаман.

– Тупой, но справный... – Немец, прищурившись, почесал длинным грязным пальцем небритый подбородок. И оба хором выдохнули:

– Силантий!

* * *

– По-о-оберегись!!! – Сосна громко выстрелила последними лопающимися волокнами, чуть повернулась на комле и с оглушительным треском повалилась на землю.

Огладив ладонью рыжую бороду, Силантий Андреев проводил взглядом ухнувшую вниз крону, перехватил топор ближе к обуху и неторопливо зашагал к ветвям, одновременно отмеряя длину хлыста. На пяти саженях остановился, сделал засечку:

– Тут рубите! – А сам двинулся дальше, остановился у нижних сучьев, перекинул ногу через ствол и принялся деловито обрубать ветки, тут же рассекая их на три части: толстый комель – для очага, лапы – на подстилку, тонкие части – на костер, воду морскую выпаривать. Тонкие – горят жарче, пусть их и подбрасывать чаще приходится.

– Да хватит уж лапника, дядя Силантий! – окликнул его чубатый и рябой казак Кудеяр Ручеек, токмо минувшей весной пришедший к Ермаку с Дону и опознавший в десятнике своего дальнего родича. – Вона груды какие, не перетаскать!

– То не твоя забота, племян, – не оборачиваясь, ответил Андреев. – Велено рубить, ты и руби...

– Оставь его, – тихо посоветовал пареньку синеглазый Ухтымка, тоже казак еще безусый, однако же два похода за плечами уже имеющий, а потому мнящий себя воином опытным, и покрутил пальцем у виска: – Наш Силантий туповат. Приказал атаман рубить, так и будет рубить, пока не остановят. Надо сие чи нет больше – не думает.

– Однако же десятником над нами его, а не тебя назначили, – обиделся за родича Кудеяр.

– Ух ты, какие мы умные! – хмыкнул Ухтымка, настоящее имя которого казаки успели позабыть. – Стар он просто, вот и выслужил. Когда я в его летах буду, никак не меньше чем сотником стану!

– Хорош лясы точить, сотники голозадые! – грозно прикрикнул на мальчишек плечистый Матвей Серьга, черноволосый и чернобородый, с густыми, словно усы, бровями. – Навались давай, не то защежит!

Он принялся размашисто орудовать тяжелой секирой, врубаясь в ствол то ниже, то выше засечки. В стороны полетела белая щепа, пахло свежей смолой, и очень скоро бревно оказалось на две трети прогрызено, как бобровыми зубами, узкой влажной выемкой. Молодые казаки навалились на слуги, поднимая ствол, и он громко треснул в надрубленном месте.

– Вперед, служивые! – отер потный лоб Матвей, опустил секиру к ноге.

Молодые воины перехлестнули конец ствола веревкой, закинули привязанные к концам ремни на плечи, поднатужились, выпрямляя ноги...

– Ух ты, тяжелая-то какая! – Раскрасневшись от старания, казаки поволокли готовый хлыст к острогу, оставляя комлем на песчаной тропе глубокую борозду.

Матвей Серьга отер нос, прошел дальше к макушке и принялся обрубать ветки, двигаясь навстречу Силантию. Стоять без дела, пока остальные трудятся, ему показалось как-то не по совести.

Вдвоем казаки быстро разделили крону на три кучи – дрова, лапник и хворост, – да и сам ствол тоже перерубили в трех местах, разделив на длинные чурбаны. Затем молча, но согласно подступили к следующей сосне, споро подрубая у самых корней с разных сторон.

– Дядя Силантий, дядя Силантий! – примчался Кудеяр, едва не угодив под падающий ствол. – Тебя атаман к себе кличет! Срочно, молвил, надобен!

– Лапник прихвати, – сунув топор за пояс, подступил к куче нарубленных кончиков десятник, сгреб в охапку и зашагал к острогу. Его племянник послушно набрал веток, сколько смог, зашагал следом. Матвей, подумав, пожал плечами, собрал остатки лапника и пошел за ними.

Ивана Егорова казаки нашли возле полувытащенных на берег стругов – кормой в воде, носом на галечнике. Выглядели казацкие корабли понуро: устало завалившиеся набок, с почерневшими бортами, распушившейся в щелях паклей, сброшенными мачтами. Суда требовали своей доли заботы и ухода. Именно зимой казаки обычно их конопатили, смолили и олифили, латали порченые борта и лавки. Да вот вышло так ныне, что ни зимовки не получилось толковой, ни времени свободного у воинов не нашлось. Острог достроить куда важнее, нежели лодки латать. На воде покамест держатся – и ладно.

Вот и сейчас струги ничуть не привлекали внимания атамана. Воевода стоял возле снятого с борта небольшого челна и спорил о чем-то с невысоким круглолицым остяком Маюни, наряженным в драную малицу из оленьих шкур.

Впрочем, все уже пообноситься успели.

Остяк, одной рукой яростно почесывая голову, другой прятал за спину бубен и горячо утверждал:

– Нельзя без него никак, старший, да-а! В нем сила! От деда он пришел, да-а. И к деду от деда. В нем сила духов наших родовых, он нас от колдовства сир-тя поганых оберегает, да-а...

– Ты токмо отцу Амвросию сего не ляпни, язычник! – погрозил ему кулаком атаман. – Живо барабан твой спалит, крякнуть не успеешь. Стучать стучи, а про духов помалкивай!

– Можно?! – встрепнулся мальчишка.

– Нельзя!

– Так не помогу я тогда ничем, старший, да-а! Бубен надобен!

– Знаю я тебя! – нахмурился Егоров. – Стукнешь с перепугу, враз дозор колдунам выдашь.

– Не стукну!

– Сам не заметишь, как начнешь колотить. Нешто я не знаю, как сие в опасности случается. Здесь его оставишь, понял?

– Звал, атаман? – Остановившись поодаль, Силантий Андреев, спохватившись, стал отряхивать рубаху от налипшей щепы и хвои.

– Да, друже, – кивнул Иван Егоров, повернувшись к остью спиной. – Поручение есть у меня для тебя зело важное... Кроме как тебе, никому не справиться.

– Сказывай, атаман, – пожал плечами казак. – Надо, так исполню.

– В дозор дальний хочу тебя отправить, Силантий, – закинув руки за спину, опустил взгляд к его ногам воевода. – На челне сем малом, в самое логово колдовское.

– Ныне отправляться?

– Обожди, казак, дай до конца о поручении сем рассказать, – вздохнул Егоров. – Не просто за подступами дальними следить придется, а под солнце чародейское уплыть и ближайший город дикарей здешних найти. Чтобы не деревенька малая, а хоть с полсотни хижин имелось и святилище большое, богатое. Ну, ты слышал, о чем я на круге сказывал. Идола нам надобно взять большого. Пудов на десять хотя бы. Чтобы каждый казак имел что в кошель себе положить, прежде чем миру остальному об удаче своей поведать.

– Так ведь поймают его колдуны здешние, пока до города хоть какого доплывет! – не выдержав, встрял в разговор Кудеяр.

– О том и сказываю, – поднял глаза на него казачий воевода. – На большом струге ничего особо не разведает, заметят. Малый же челнок можно корой и ветками хорошенько замаскировать, листвою прикрыть да незаметно меж караулами вражьи пробраться. Но пуще всего прочего надобно будет не облик свой, а мысли свои прятать. Колдуны здешние – мне сие на себе испытать довелось – мысли наши, как мы шаги и шорохи, слушают. За мыслями и следят. Мы так и с солью к ним в ловушку попали, и парочки иные, что уединиться пытались, сами себя врагу выдавали. Посему, чтобы незаметными быть, за время всего дозора надобно будет вам думать токмо о траве и листьях, ветках и цветочках. О том, какое все это вкусное и сочное. Дабы, мысли ваши слушая, чародеи вас за коров здешних богомерзких приняли. За ящеров травоядных.

– Нам? – опасливо переспросил Кудеяр.

– Один же он не поплывет! – как-то даже удивился Егоров. – А ты, помню, Силантьев племянник.

– То верно... – неуверенно подтвердил молодой казак, одернув рубаху.

– Думать токмо о траве и веточках вам надобно и ни о чем более! – еще раз повторил атаман. – Однако же и о деле порученном не забывать. Город ближайший исчислить и нас опосля к нему вывести! Сверх того Маюни вам дам в проводники. Колдуны этого мальчишки опасались изрядно, стало быть, сила у него супротив чародейства имеется. Как сможет, оборонит...

– А как без бубна оборонить, да-а? – тут же пожаловался юный остяк.

– Да вот без стука и оборони! – повернулся к нему воевода. – Увижу в лодке барабан твой, за борт тут же и улетит, понятно?

– Воля твоя, старший, – наконец смирился Маюни. – Спрячу бубен. Амулеты возьму.

– От и молодец! – похвалил его воевода и крутанулся обратно: – Выбирай, кого с собой в дозор возьмешь, Силантий, челн и снаряжение готовь, утром отплываете!

Воевода резко кивнул и пошел в сторону церкви. Десятник посмотрел налево, направо, кивнул сотоварищам, помогавшим валить лес:

– От и ветки еловыегодились. Борта ими плотно завесим да по бокам несколько больших растопырим, дабы на дерево плывущее походить. Бог даст, враг издали не отличит.

– Здесь окрест сир-тя нет, да-а... – грустно ответил Маюни. – Здесь не заметят. В лесу листьев больших нарвем, да-а. Петь буду. Без бубна плохо, но раз старший не дозволяет... Да-а... Надо оставлять.

Юный остяк грустно вздохнул еще раз и побрел к морю, к выдающемуся в глубину мыску из каменных валунов. По нему ходили вперед-назад с кожаными корабельными ведрами девы,

зачерпывая воду с глубины – там, где мусора прибрежного поменьше. Воду они таскали в три кипящих котла. У воеводы казацкого слово с делом не расходилось. Решил соль варить – часа не прошло, а Костыка Сиверов уже у огня суетится, ремесло свое старое вспоминая.

С мыска, развернув плечи, быстро прошла Устинья: невысокая и смуглая, пышногрудая, с короткими растрепанными волосами, торчащими из-под сбитого на затылок платка. Самая прекрасная и добрая из всех русских дев. Во всяком случае, такой она казалась Маюни, в свободное время ходившему за девушкой по пятам, учившему ее языку нэней, оберегавшему...

Эх, было бы ему не тринадцать, а хотя бы шестнадцать лет! Тогда Маюни обязательно позвал бы ее в хозяйки своей юрты. Он ведь и охотник хороший, и шаман умелый, и языкам разным обучен. С таким мужем и жена и дети всегда сыты будут!

Но посмеялась над ним суровая богиня Колташ-эква, послала лучшую из женщин в тот час, когда сам он еще в мужчины не вырос! Ныне токмо на удачу оставалось надеяться да на нелюдность русской красавицы. На других воинов она, вон, вовсе не смотрит. А его подарок, кухлянку оленью, носит не снимая. Пока кухлянка плечи Устиньи прикрывает – деве о нем напоминает. Может статься, и дождется Ус-нэ того дня, когда мужем взрослым маленький Маюни станет. Когда к своему очагу хозяйкой сможет пригласить...

Устинья тем временем выплеснула воду в один из котлов, повернула обратно к мысу, и Маюни кинулся ей наперерез:

– Хорошего тебе дня, Устинья-нэ! Ты очень красивая сегодня, да-а.

– А вчера была некрасивой? – удивленно остановилась дева.

– Нет, вчера красивой, Ус-нэ, – сразу смутился мальчишка. – И позавчера... И завтра. Ты всегда красивая, да-а...

– А чего не рассказываешь, что волосы разлохматились? – Перебросив легкие пустые ведра на локоть левой руки, дева поправила платок, убирая волосы под ткань.

– Тебе хорошо так, Ус-нэ, да-а... Нравится... – Маюни облизнулся, не зная, как отвечать. И поднял перед собой бубен: – Вот, возьми!

– Нет-нет, – торопливо перекрестившись, отступила Устинья. – Бесовская игрушка-то, не надобно мне таковых подарков!

– То не подарок, то сохранить доверю, – замотал головой остяк. – Кому еще? Ты одна, тебе токмо верю, да-а.

– Зачем? – поджала губы дева.

– Атаман Иван в лес посылает, город сир-тя искать. Не дозволяет бубен с собою забирать, да-а. Боится, стукну в него со страху, охотников выдам. Амулетами велел обойтись, от чар колдовских таясь, да-а.

– Странно, – удивилась Устинья, принимая в руки истершийся от времени шаманский бубен. – Почему тебя супротив сир-тя посылает? Почему не отца Амвросия? Или не Афеньку, служку его церковного?

– Отец Амвросий шаман могучий, да-а, главный шаман русский в ватаге вашей. Как его послать? Сила в нем большая, крест наговоренный, моления христианские все в памяти его лежат. А ну сгинет? – Остяк, цокая языком, покачал головой. – Нельзя отца Амвросия, беда может быть, да-а. Я шаман маленький, меня не жалко, да-а. Коли сгину, Ус-нэ, ты бубен мой проткни. Обязательно проткни, не то душа моя страдать будет, отойти от него не сможет. Гудеть в нем станет, плакать, томиться. Суком деревянным проткни и порви пошире в стороны...

Дева внезапно положила палец ему на губы и покачала головой:

– Молчи! И не думай даже, Маюни. Ты вернешься. Беречь стану бубен твой, пока не вернешься. Так и знай!

– Правда, Ус-нэ? – Мальчишке почему-то показалось, что дева говорит о чем-то большем, нежели его поездка в земли сир-тя. – Меня дождешься, да-а?

Устинья усмехнулась, скользнула ладонью вверх, растрепала его волосы, забрала бубен и отправилась к одной из новых башен, в первый ярус которой перебралась еще вчера.

Маюни, потоптавшись, повернул обратно к лодке, на ходу осматривая малицу. Раз уж русский воевода заставил расстаться с главным оружием, нужно было до рассвета нашить на одежду защитные амулеты от дурного глаза, порчи и темного слова. И вырезать хотя бы из коры нагрудный оберег со знаком великого Нум-Торума, защитника людей. Имя небесного бога тоже способно защитить от черного чародейства проклятых сир-тя, спасти от их взгляда и навета.

Силантий и двое его помощников успели изрядно потрудиться над челном, цепляя вдоль бортов пушистые сосновые веточки. Досок сквозь них было уже не разобрать, однако контуры посудыны все равно легко различались даже издали.

– На бревно не похоже, да-а, – сказал Маюни, подойдя ближе. – На дереве сучья в стороны торчат, гладко не ложатся. Да-а. Надобно крупные ветки враспырку привязать.

– Вяжи! – коротко разрешил десятник.

– Ага, – кивнул остяк. – Принесу щас...

Он ушел в направлении леса, где то тут, то там под ударами топоров падали деревья, вскоре вернулся с десятком свежесрубленных сучьев и тонких сосновых корней, принялся сноровисто приматывать ветки к лавкам и бортам. Через пару часов челнок и вправду стал больше походить на кусок обломанного ураганом дерева, нежели на творение человеческих рук.

– А ты молодец, остяк, – похвалил паренька Матвей Серьга. – Справный казак выйдет!

Между тем, пока Маюни возился с ветками, а Силантий пытался добыть для похода припасы, Ухтымка ходил за Кудеяром, нудно уговаривая:

– Скажи дядьке своему, пусть меня с собою возьмет! Друзья мы с тобой или нет? Нечестно так выходит, коли ты в дозор отправляешься, а меня тут, ако рогожу никчемную, бросаешь. Я тебя завсегда выручал, помогал, заступался...

Того, чтобы Ухтымка за него заступался, Кудеяр в упор не помнил, однако же все равно ощущал себя виноватым и без конца оправдывался:

– Ну, не я же решаю, кому плыть, кому оставаться! Силантия, вон, атаман своею волей определил. Он тоже попутчиков сразу назвал... Теперича менять слова не желает.

– Но он же дядька твой! Он тебя послушает. Ты токмо попроси жалостливее...

Кудеяр только вздохнул. Он уже честно пытался замолвить слово за приятеля, но Андреев каждый раз отмахивался:

– Баламут он и пустобрех! В дозоре послушание потребно и внимание. А он крутится вечно, словно шило в заднице застряло.

Однако Ухтымка был прилипчив как банный лист, и Кудеяр согласился заступиться за него снова. Впрочем – с тем же итогом.

– Да я же на отдыхе токмо веселюсь, пар спускаю! – в этот раз втиснулся в разговор и сам Ухтымка. – В походе же любой приказ без колебаний сполняю, десятник! Нешто первый раз воюю?

– Тут не просто сполнять надобно, тут даже в мыслях послушание надобно, ровно с заповедями библейскими! А у тебя без хохотунчика ни единого шага не выходит.

– И наяву, и в мыслях все исполнять стану, десятник, вот те крест! – размахисто осенил себя Ухтымка.

– Он же с десятка нашего, дядя! – опять вступился за приятеля Кудеяр. – Нехорошо выходит: сами отправляемся, его оставляем.

– Как мне после позора такого казакам в глаза смотреть, десятник? – моментально подхватил голубоглазый паренек. – За что от доверия отказали, отчего изгнали?

– Ладно, – сломался Силантий Андреев. – Но чтобы слушался с полуслова!

– Христом-богом клянусь!

– Беги к Коське, мясо режь, – распорядился десятник. – Как соль первая будет, ломти натрешь, в корзину и в челнок отнеси. Сиверов знает, ему сам воевода приказал первую соль мне отдать. Не голодным же нам по рекам шастать?

В здешних зачарованных местах от бескормицы ватажники не страдали – и дичи было вдосталь, и уловы богатые. На еду хватало. Однако же впрок сохранить ничего пока не получалось. Коптильню сделать еще не успели, с солью беда...

А как в дозоре без припаса? Охотиться и службу одновременно нести – это ни того, ни другого справно исполнить не получится. Вот и пришлось десятнику выкручиваться, свежепросоленное мясо с собой брать, дабы в пути до съедобного состояния дошло. Иначе, увы, не получалось.

Из оружия взяли только копья да два топора на всех. Не считая, само собой, ножей и сабель на поясе – без них казаки даже до ветру не ходили. На случай задержки – моток нити с крючком рыболовным они все-таки прихватили, равно как пару кусков веревки, каковая могла пригодиться в любой момент. Корзина с едой соленой, миска печеного мяса на первые два дня, пара весел, туесок со мхом сушеным – вроде и все...

Собравшись в дорогу, десятник понапрасну времени терять не стал. Поздним вечером приказал спустить лодку на воду и трогаться в путь.

– Ночи светлые, в берег не врежемся, – решил он. – За последние дни все отдохнули, одну ночь можно и побдеть. Завтра отоспитесь.

Легкий узкий челнок даже против течения мчался довольно быстро. За ночь дозорные прошли верст десять, еще столько же за день, остановившись на ночлег на небольшом песчаном островке, намытом течением совсем недавно, – даже трава еще нарасти не успела.

– Нет травы, нет и живности, – сделал вывод десятник. – Гостей ночью можно не опасаться. Давайте, мясо печеное до конца доедайте, пока не испортилось. Лучше брюхо досыта набьем, нежели потом добро выбрасывать. Огня не разводить! Мало ли приглядывает кто за рекой...

Выспаться Силантий людям позволил, подняв казаков уже поздним утром. Зато на завтраке время выгадал: зачем продукты переводить, коли накануне все от пуза наелись? И опять широкие лопасти весел погрузились в темные воды безымянной пока еще реки...

Чем ближе подбирался челнок к обжигающему колдовскому солнцу, тем теплее становилось вокруг. Дозорные, словно в сказке, перебирались из зимы в осень, из осени в позднее лето, из позднего лета – сразу в раннюю весну. Если возле моря – всего несколько дней назад – трава успела пожухнуть, кусты сбросили листву, а сосны звенели от сухости, избавившись от соков в стволах, если там с моря дул ледяной ветер, а холодные ночи вот-вот обещали ударить заморозками, то на первом же привале трава жухлой уже не была, а листья кустарников только начали желтеть, на втором – листья вяли, но ночи холодными не были, на третьем – тут и там краснели в траве спелые ягоды морошки...

Вскоре везде и всюду распускались цветы и листья, порхали бабочки, носились стремительные стрекозы. Ночи стали душными, а дни просто жаркими, да и леса из сосновых боров и ельников обратились в дубравы и орешники, временами перемежаясь и вовсе незнакомыми казакам растениями. Могучие деревья, подобно многоножкам, опирались на разбегающиеся корни, растопыривали пышные кроны, смыкавшиеся на высоте ветвями с кронами других подобных монстров, роняли вниз листья, мелкие сучки – а с ними и каких-то цветастых гусениц, бабочек, жучков, которых тут же сжирала с поверхности голодная рыба. С берега на воду тянулись пряные и сладкие ароматы, напоминающие о сарацинских специях, немецких винах, русских медах – словно деревья были не обычным лесом, а таинственным порождением сказок и былин.

Впрочем – что там деревья? По берегам то и дело попадались ящеры размером со струг, если не более, и самого ужасного вида: с клыками и зубьями на спине, с рогами на морде и на

хвосте, двуногие и четверолапые, просто бурые и разноцветные... Хорошо хоть, большинство занималось тихим поеданием травы и речными путниками особо не интересовалось.

От хищников сделанная остяком маскировка неплохо выручала. Пара зубастых ящеров, повадки которых казаки уже представляли – лишь со скукой провели взглядом по плывущему против течения бревну. Толстые водяные змеи с безразличием извивались мимо, маленькие изредка пытались найти среди ветвей укрытие. Однако, наткнувшись на людей, тут же сами бросались за борт.

– Трава... Ветки... Вкусные цветы, – время от времени вслух говорил Силантий и, достав нож, делал на ратовище копыя небольшую насечку.

– Почто рукоять оружию портишь, десятник? – не утерпев, спросил Ухтымка.

– Я, казак, в памяти своей особо не уверен, а потому путь отмечаю. На случай, коли повторить понадобится. Малая засечка – ручей впадающий. Большая – протока. Изгиб – поворот реки. В руке же ратовище шершавое еще прочнее держаться станет, посему и здесь от засечек токмо польза.

– А коли кончится копьё, чего делать станем, дядюшка?

– Как кончится, Кудеяр, назад повернем. По другим рекам-протокам города вражьи искать.

– Рази найдешь чего, по протокам-то да под корнями таясь, десятник? Дозволь на дерево большое залезть! С высоты враз все селения окрестные исчислю. По дымам да по прогалинам.

– Опять тебе, баламуту, не сидится! – сурово погрозил кулаком Ухтымке десятник. – Забыл, что велено? О траве вкусной и ветках думать и особо никуда не высовываться! Ну-ка, за весло взялся и про цветочки заговорил! И от стремнины к берегу, к корням ближе держись!

Паренек что-то буркнул себе под нос, однако подчинился, навалился на весло, поворачивая нос лодки к череде толстых черных корней, на которые опирался очередной монстр со стволом в пять-шесть обхватов, если не более.

– Ягоды-цветочки в поле, во садочке, – заскулил молодой казак. – Буду травку сочную есть и козую бляеть, стану молочко давать и ветрами веять.

Его спутники засмеялись, и даже Силантий ничего не возразил столь мрачному предсказанию паренька. Челн же притерся бортом к самым корням, спугнув из их густи разноцветных пичуг размером с кулак и таких же бабочек. Птицы разлетелись, бабочки же, покружившись, пересели на хвойные сучья лодки.

– В огороде бузина, в Киеве малина, в лебеде же с двух шагов не найти детину... Фиг мы так найдем хоть чего, десятник! Давай вон к той махине причалим да я на макушку влезу? Нет жилия без очага. А очаг по дыму за двадцать верст, как раз плюнуть, исчисляется!

– Не велено!

– Да чего ты, Силантий, заладил: велено – не велено? Найдем город – честь нам и хвала! А не найдем – никто и не спросит, по-веленому делали али по-своему. Тут своего добиться главное, а не глупости всякие соблюдать!

– Приказ атамана не глупости есть, а закон для казака простого! Ему докладов куда более нашего приходит, знает он супротив нашего вдесятеро, а потому и мелочи, им помянутые, зело важными оказаться могут, хотя тебе сие и неведомо!

– Да чего тут важного быть может, о траве и листочках мыслить? Казак вообще о бердышах и копьях, о пищалях и тюфяках думать токмо обязан! Да о том, как твердыни вражьи взять выходит сподручнее али как супротив конницы басурманской устоять! Как в бердыши и рогатины ударить дружно, себя не жалея, сойтись с ворогом поганым в схватке смертной, стоптать его, опрокинуть да на улицы города поверженного войти...

Возле лодки внезапно вскипела вода, вздыбилась из реки змеиная голова на толстой, с человеческое туловище, шее и повернулась к людям, внимательно наблюдая за челноком.

Казаки замерли, затаив дыхание. Не шевелясь и перестав грести.

Змеюга, стрельнув пару раз тонким раздвоенным языком, ушла в воду, поструилась вверх по течению, извиваясь могучим телом. Люди облегченно перевели дух.

– Велено же тебе было, баламут, токмо о траве и цветочках думать! – зло прошипел Силантий. – А ты начал тут про бердыши и копыя с пищалями! И почто токмо ты увязался с нами, пустобрех приволжский?

– Так не случилось же ничего, десятник! – развел руками Ухтымка. – Подумаешь, змеюга рядом всплыла! Их тут несчитано по рекам и болотам шастает. Странно, что доселе ни одной не всплывало.

– Не такая это была змея, да-а... – неожиданно вступил в разговор до того неслышный остяк. – Неправильная. Не ведут себя змеи так. Не останавливаются, не смотрят. Люди ведут, змеи – нет, да-а...

– Так чего теперь, Силантий? Возвратиться? – спросил Матвей.

– Коли попались, сие уж не спасет, – вздохнул десятник. – Земля-то окрест чужая! – Он размашисто перекрестился и махнул рукой: – Ладно, гребите далее. Авось обойдется...

Челнок покрался далее вдоль часто торчащих корней, миновал узкую протоку, каковую Силантий обозначил на ратовище короткой, повернутой влево черточкой, обогнул излучину, выплыл на просторный разлив сажен триста шириной.

– Тихо-тихо... Ты глянь... – Матвей указал на противоположную сторону озерца. Там, полупогрузившись в воду, брела вдоль берега одна из громадных здешних «коров» – ящер с туловищем размером с три амбара, с пятисаженным хвостом и такой же длинной шеей, что заканчивалась совсем маленькой головкой. Издалека казалось – обычной телке впору.

Двигаясь медленно и величаво, громадина то опускала голову вниз, выщипывая со дна охапки водорослей, то вытягивала шею к берегу, сжевывая пучки ветвей и охапки осоки с прибрежной земли.

– Ух ты... В Муром бы ее, – внезапно прошептал Ухтымка. – На полный год всему городу мяса бы хватило!

– Тебе лишь бы пожрать, – хмыкнул в ответ Серьга. – Про весло забыл!

Паренек спохватился, опустил лопасть в воду, гребнул несколько раз подряд, не отводя взгляда от чудовища, отчего челнок потерял направление и вместо того, чтобы плыть вдоль берега, внезапно отвернул на глубину.

– Что творишь, раззява! – рявкнул с носа Матвей, пытаясь своим веслом выправить направление, но не успел...

Гигантская ящерокорова внезапно вострубила, ровно горн, вскинув голову к небу, качнулась с боку на бок, подняв по разливу волну высотой в половину человеческого роста, подняла зад величиной с крепостную башню, взмахнула над поверхностью хвостом. Пахнувшая тиной, облепленная ряской и улитками громадина прогудела в воздухе, словно пушечное ядро, и врезалась в челнок, подбросив лодку в воздух и зашвырнув на берег, в самую гущу лещины. Вопли падающих людей слились с треском ломающихся веток, и все пятеро одновременно ухнулись о землю – да так, что и дух вон! Хорошо хоть – не до смерти. Кудеяр и Серьга надолго потеряли сознание, Ухтымка мычал и крутил головой, пытаясь встать на четвереньки, но заваливаясь на бок, Силантий стонал на спине, раскинув руки, Маюни, вметелившись в ствол, отлетел от него на отмель, медленно откатившись в воду.

– Вот же тварь поганая... – медленно простонал десятник Андреев. – Ровно крошки со стола смахнула.

Он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, стиснул зубы, потом, преодолевая боль, согнулся, ухватился рукой за ствол ближнего деревца, поднялся во весь рост и... И увидел перед собой самодовольную ухмылку раскрашенного в черно-белые полосы круглолицего дикаря в просторной замшевой куртке и с золотой бляхой на груди. Ворог что-то сказал глумливым тоном, ухмыльнулся еще шире, показывая ему ремешок, стал заматывать им Силантию

запастье, глядя пленнику прямо в глаза. На десятника от сего взгляда напало какое-то странное оцепенение, и он даже как-то не подумал сопротивляться, пока враг его связывал.

Закончив с Силантием, сир-тя перешел к Ухтымке, пинком ноги опрокинул его на бок, присел рядом, стянул ему руки за спиной. Затем неторопливо связал казаков, не подающих признаков жизни. Вернулся к десятнику, что-то весело сказал, похлопывая его ладонью по щеке. Отошел, походя пнув Ухтымку ногой, задумчиво постоял над двумя другими. Тоже попробовал пяткой на прочность. Почесал в затылке.

– Что, колдун? Не знаешь, как на горбу раненых полоняников тащить? А убивать не хочется, дабы славы лишней не лишаться? – зло спросил его Силантий Андреев, с которого потихоньку спадало наведенное чародеем наваждение. – Ну так исцели! Ты же кудесник!

Однако сир-тя, кроме как нетерпеливо пинать тела ногой, ничего придумать не мог. Вестимо, способности его были невелики. Покорность наводить, чудищами управлять, пленных связывать. Вот и все... Вестимо – обычный порубежник, сторож на дальнем пограничье. Ни на что большее не годится. Такой же тупой неудачник, как сам Силантий...

Хотя нет – удачливее. Ибо это он дозор десятника Андреева повязал, а не наоборот.

Сир-тя вдруг заволновался, закрутил головой. Отбежал на несколько шагов в одну сторону, в другую, крутя головой.

– А-а, крыса колдовская, спохватился, – буркнул Силантий, напрягая плечи и дергая руками. – До пяти наконец-то сосчитал?

Увы, ремни не поддавались. Связал его дикарь крепко, дело свое порубежное знал неплохо.

Чародей остановился, шумно втянул ноздрями воздух, закрыл глаза, с резким выдохом развел широко руки со вскинутыми ладонями. На несколько мгновений замер – но тут же довольно хмыкнул, побежал вправо вдоль самой воды, вскоре замедлил шаг, раздвигая высокие стебли тростника, увидел впереди голову сидящего прямо в воде мальчишки, раскачивающегося и торопливо бормочущего:

– Спаси меня, Мир-Суснэ-хум... Старик-филин, сохрани, Йыпыг-ойка, повелитель леса... Лисица золотая, обереги, великий Нум-Торум, смилуйся! Дайте мне силы, прародители Ыттыргынов, в этот час, вдохните в меня мужество Сяхыл-торума, сделайте меня из мальчишка мужем! Сделайте из шамана воином!

Сир-тя, довольно бормоча, левой рукой вытянул из-за пояса еще ремешок, правую наложил жертве на склоненную голову, не прекращая снисходительное нашептывание.

– А-а-а-а! – внезапно вскочил с разворотом Маюни, вскинул обе руки с зажатым в них ножом, и его короткое лезвие легко, словно в рыхлый песок, вонзилось в грудь воина колдовского леса.

Сир-тя, опустив глаза, что-то недоуменно пробормотал. Его лицо, речь не выражали ничего, кроме огромного изумления. Он протянул мальчику приготовленный ремешок – а потом глаза колдуна потухли, и он расслабленно повалился на бок.

– А-а-а-а!!! – в ужасе попятился Маюни, погружаясь глубже в воду. Посмотрел на свои ладони, на окровавленный клинок, вставленный в костяную рукоять, и, вздымая брызги, кинулся вдоль берега: – Десятник, да-а-а!!! Русский, да-а! Казак, да-а! Я убил! Убил, да-а-а!!! Совсем убил!

– Слава богу, остяк, справился! Молодец, спаситель наш! – услышав крики проводника, отозвался Силантий. – А я уж боялся, все, хана нам всем. В жертву идолам поганым принесут.

– Убил! Я убил, да-а-а! Совсем убил... – продолжал причитать Маюни, но десятнику было не до душевных страданий мальчишки:

– Руки мне освободи, остяк! Ремни перережь! И Ухтымке по ним полосни. Остальные дышат? Да шевелись же ты, тютя-матютя! У меня уже кисти онемели!

Маюни освободил пленников, присел возле оглушенных:

– Души их ушли искать небесного оленя, да-а... Без бубна не вернуть. Искать станут, пока не утомятся, да-а...

– Да, крепкошибануло служивых, – согласился десятник. – Не скоро оклемаются. Однако же челн-то наш где? Отыскать надобно... Крепко поломан али плыть как-то получится?

– Ух ты... У меня все кости, кажись, переломаны, – поднялся-таки на ноги Ухтымка, схватился за уши. – И в башке гудит...

– Дурная голова костям покоя не дает! – зло ответил десятник. – Сказывали тебе токмо о траве и цветах помышлять? Не смог? Ну так вот, чтоб теперича у тебя по два перелома на каждой кости оказалось, пустобрех! Коли через разум не доходит, может, хоть через увечья чуточку ума наберешься. Коли до седых волос дожить хочешь, то делать надобно, что старшие приказывают и когда приказывают, а не умишком своим скудным хвастаться!

– Ой, дядя Силантий... Токмо не сейчас поучай, десятник. Дай хоть маненько оклематься.

– Не будет тебе никакого отдыха, трепло базарное! – отвесил пареньку полновесную затрещину Андреев. – А ну, лодку и припасы искать отправляйся! Бегом пошел, пустобрех!

И вдогонку дал молодому казаку крепкого пинка.

Впрочем, найти свое добро никакого труда не составило. Все валялось окрест в орешнике: копыя, топоры, корзина из-под мяса и борта челнока – от удара долбленка разломилась точнехонько по килю, и теперь коренное бревно лежало отдельно, а нашитые доски – отдельно. Причем часть досок тоже была поломана.

– Ну, все, попали! – выдохнул десятник. – Хрен мы теперь отсюда выберемся. Не пешком же через заросли идти?

Он осмотрел бесчувственных товарищей. Оба дышали, и оба, на диво, оказались целыми – ни единого перелома! Похоже, густые ветки кустарника смягчили падение. Да и высота была небольшой. Колдун знал, что делал, – ударил дозорных так, чтобы оглушить, но не убить и не искалечить. Если бы не малолетний шаман, оказавшийся нечувствительным к его чарам, – брести бы им сейчас связанными в полон, только на милость подлых язычников и надеясь... Где, кстати, мальчишка?

– Где остяк, Ухтымка?! – окликнул молодого казака десятник.

– Не ведаю. – Тот попытался пожать плечами, но вскрикнул от боли.

– Я здесь, старший, да-а! – отозвался из ближних зарослей остяк. – Поди сюда!

– Вот еще, к каждому мальчонке бегать, – недовольно буркнул себе под нос Силантий. Почесал в затылке и... пошел на зов.

Оказалось – не зря. Малолетний шаман обнаружил логово колдовского дозорного. Несколько рябин с переплетенными ветвями, поверх которых была брошена огромная шкура, местами протершаяся до дыр. Под шкурой между деревьями лениво покачивались три гамака, стоял вместительный кувшин, к одному из стволов был прислонен лук, короткое копьё.

Маюни потрогал гамак, оглянулся:

– Этот тоже грязный, старший. Вестимо, токмо один в засаде сидел. На троих место, а одного послали. Не бояться, похоже, да-а...

– Для порядку послали, – согласился, осматриваясь, Силантий. – Коли есть место для стражи, пустовать не должно, пусть даже время и мирное. Однако очага не вижу. Где еду себе караульные готовили?

– Здесь оно, да-а... – Присев возле кувшина, мальчик наклонил его к себе, приложился губами к краю, сделал несколько глотков.

– Суп какой, что ли? – Десятник по примеру остяка присел перед вместительной емкостью, глотнул через край. – Кисель! Густой, однако... Мыслью, вправду сытный. Нечто они на одном киселе все дежурство сидят? Маюни? – Силантий, распрямляясь, сплюнул: – Ну вот, опять пропал!

Потерев шею, десятник вернулся к месту своего падения. С помощью Ухтымки отволол бесчувственные тела в обнаруженное логово, уложил в гамаки. Перенес под дикарский навес вещи.

– Старший, сюда поди! – позвал его вернувшийся остяк. – Что покажу, да-а...

– За увечными следи! – сурово приказал Ухтымке Силантий. – Дикарь-язычник тебя, казака, толковой выходит.

Вслед за остяком десятник прошел по узкой тропинке, протоптанной через кустарник, и через четверть часа оказался на берегу мелкого и узкого ручейка, струящегося по желтому песку. Мальчишка уже сидел здесь на корточках, полоща ладони в прозрачной воде. Серебристые мальки вились вокруг пальцев, что-то суетливо склевывая.

– Чего звал, малой? – поинтересовался Андреев.

– Туда посмотри, – указал вниз по течению Маюни. – Ветки над водой видишь? Паутина, грязь, листья сухие, да-а...

– И че?

– А там чистые ветки, – показал в другую сторону остяк. – Грязь обтрушена, ветки чистые. Выходит, шевелили их, отодвигали, да-а... Оттуда, стало быть, сир-тя сторожить приходят.

– Не с большой реки, а с верховьев ручья малого, получается, караул ставят, – сообразил Силантий и вытянул саблю. – Ну, пошли, глянем...

Он шагнул в воду, первым двинулся по руслу, пригибаясь и осторожно раздвигая перед собой ветки. Однако сабля не понадобилась. Всего через полста саженей заросли впереди посветлели, и перед лазутчиками раскрылось просторное озеро. Противоположный берег терялся в слабой дымке парящего озера, но даже через нее Силантию удалось различить там несколько огромных строений, напоминающих холмы, – но вместо зеленой травы покрытых коричневыми шкурами. Десятник усомнился бы в своей дальнорзости, однако над холмами и по сторонам к небу поднимались рыхлые белесые дымки. В здешних жарких землях протапливать дома было ни к чему – а значит, дым мог идти только от очагов, в которых готовилась пища. Крупные дымы – большие котлы. Много очагов – стало быть, кормить стряпухи собирались не десяток сорванцов, а сотни голодных ртов. Здесь, на спрятавшемся в чащобе озере, стояла не деревенька. Это был город, большой и богатый.

– И даже без простенькой крепостной стены... – уже вслух пробормотал десятник.

– На что сир-тя стены? Они чарами своими обороняются, да-а... – ответил остяк и толкнул казака в бок: – Туда смотри, старшой!

Силантий повернул голову и увидел небольшой челнок, затянутый в высокую траву возле истока ручья. Лодочка была крохотной, на пару человек с припасом. Но если потесниться и шибко не раскачиваться – то и под весом пяти людей, пожалуй, воду черпать не будет.

– На воду стаскиваем и уходим... – шепотом приказал десятник, убирая в ножны клинок.

Вдвоем они стянули челнок в ручей, провели его, легонький, по воде к началу тропы, после чего десятник отправил остяка сплавляться дальше по течению, а сам двинулся к помятым сотоварищам.

К счастью, и Кудеяр и Серьга успели прийти в себя – на себе тащить не понадобилось.

– Не троньте ничего! – сразу предупредил Силантий, указывая на кувшин и лук с копьем. – Коли вещи на месте, то и пропажа дозорного особой тревоги не вызовет. Среди чудовищ, в сем мире обитающих, сгинувший с лодкой воин, мыслю, дело не редкое. Тело на глубину оттащим, остальное раки и сомы сделают. Обломки посуды нашей туда же скинем, течение унесет... Мы свое поручение сполнили, можно возвратиться.

* * *

Семь десятков казаков, терпеливо работающих от рассвета до заката, способны на очень многое. За одиннадцать дней, пока дозорные были в пути, башни острога оказались не только достроены доверху, но и соединены частоколом высотой в три человеческих роста. На верхних боевых площадках всех башен теперь стояли караульные, а свободные от службы казаки строили во дворе навесы и пришивали настил вдоль верхнего края стены – чтобы при беде можно было подняться туда и оборонять частокол, а не просто надеяться на его высоту и прочность.

– Ло-одка!!! – издали заметил приближающийся челнок часовой с восточной башни. – Чужая!

И когда дозорные подвалили к берегу чуть выше стругов – их уже встречали два десятка казаков во главе с воеводой Иваном Егоровым.

– Ух ты, добрались! – Первым выскочил на песок молодой казак, подхватил борт возле носа, поднатужился, выволакивая челн на берег, насколько хватило сил: – Братцы, пожрать дайте! Три дня на одной воде сидим!

Ватажники промолчали, неодобрительно качая головами. Одно слово – пустобрех! Не понимает, что во первую голову завсегда о деле мыслить и сказывать надобно, а не о брюхе заботиться. Казак для того и рожден, чтобы тяготы и боль с усмешкою переносить, но службу исполнять.

– Здрав будь, атаман, – вторым сошел десятник. – Готовь струги к походу, нашли мы город языческий. Двенадцать дымов. Мыслю, не меньше шести сотен дикарей в таком должно обитать. Три крупных дома своими глазами видел, куда больше деревенских. Коли одно из них капище – впятеро супротив прежних окажется. Стен нет, валов, башен, рвов тоже. О засеках не скажу, ибо близко не подбирался. Боялся спугнуть.

– Челнок, вижу, чужой? – положил ладони на борт лодки воевода.

– Своего, увы, лишились, – повинулся Андреев. – Кабы не остяк-малолетка, так и головы вместе с ним бы потеряли. Посему, атаман, за него поручиться хочу. Ратной доли он наравне с прочими казаками достоин. Пусть и язычник малец, однако же храбростью иного христианина стоит.

– Выходит, появление свое все же выдали? – требовательно спросил Егоров.

– За несчастье случайное, как могли, замаскировали. Подозрение, знамо, появится... Насторожатся. Однако же уверенности у дикарей не будет. Мало ли опасностей на свете? Про нас и вовсе могут не подумать.

– Тоже верно, – согласился воевода. – Город далеко?

– Дней семь пути! – Силантий поднял копьё и с силой вонзил в землю: – Вот, весь путь отмечен, дабы по глупости своей опосля не заплутать. Черточки суть ручьи, надрезы – протоки. Риска поперек день пройденный отмечает. Вот здесь, за крайней черточкой, город на озере стоит. К нему по ручью с версту струги тянуть придется. Мелка протока, даже пустые корабли по ней не пройдут.

– Доннер веттер, герр капитан! – громко хохотнул Ганс Штраубе. – Первый раз на своем веку я вижу столь забавную, но разумную карту! Путеводное копьё! Я восхищен!

– Однако... – изумился неожиданной хитрости туповатого десятника и Иван Егоров. – Силантий, ты молодец! Справился отлично. Ныне ступайте в острог, поешьте. Так понимаю, вы остались без припасов?

– Спешили вернуться, на охоту время терять не стали.

– Отдыхайте до завтра, велю не тревожить, – кивнул воевода и выдернул из песка путеводное копьё. – Маюни, со мной пойдем, словом хочу перемолвиться, раз уж в казаки тебя ныне возвели.

– Слушаю, атаман, да-а... – бросил весло на дно челнока остяк.

– Остальные к делам возвертайтесь, – отпустил собравшихся по тревоге воинов атаман, немного отошел, задумчиво рассматривая копье. Тихо спросил: – Ты путь запомнил, Маюни?

– Найду, коли нужда выйдет, атаман, да-а... Но и на копье путь верный начертан, видел я, как старший метки ставил.

– Понял, вы друг другу по нраву пришли, – усмехнулся воевода. – Ладно, ступай. Слышу, как живот у тебя урчит. Если вы и вправду три дня голодали... В общем, беги.

Весть о том, что дозорные выследили город дикарей, мгновенно облетела острог, обрас-тая самыми невероятными подробностями. Силантию, что вместе с сотоварищами отъедался возле солеварного котла печеной рыбой, раз пять пришлось оправдываться перед подходящими знакомыми, что не видел он никакой золотой бабы размером с дерево и что даже святи-лице, похоже, было куда меньше – но стоило отойти одному разочарованному воину, как на его место тут же прибежал другой казак и жадно спрашивал:

– А правда, Силантий, что ты золотую бабу нашел?

Обычные работы оказались заброшены, ватажники снова взяли за оружие, осматривая его, правя клинки и рогатины, проверяя замки пицалей. Это, понятно, не укрылось от глаз атамана. Идти супротив желания ватаги Егоров не стал и приказал сзывать круг.

– Все вы знаете, други, что случилось и чего ради собрал я вас, православные! – не стал долго сказывать воевода. – Острог бросать пустым и женщин без защиты негоже, посему пове-леваю жребий бросить на пятерых, кому придется здесь тосковать, пока остальные веселятся. А как судьба решение свое откроет – струги на воду спускайте и припасы грузите. С рассветом выступаем!

Глава 2

Поздняя осень 1583 г. П-ов Ямал

Невольницы

Про могучую Нине-пухуця сказывали всякое. Обычные смертные думали, что она просто злая черная колдунья, служительница мрака и смерти, убивающая все живое и уничтожающая все доброе. Хотя между женщинами и бродили слухи о давней ее размолвке с верховным шаманом Ва-Котрка-Тха, пожелавшим насладиться девичьим телом юной красавицы и получившим неожиданный для своего высокого звания отказ. С тех пор прошло много времени, Ва-Котрка-Тха давно не стало, Нине получила прозвище старухи – но вражда между непокорной ведьмой и колдунами сохранилась по сей день.

Обученные мудрости шаманки нередко говаривали потихоньку о том, что, согласно заветам зажегших второе солнце древних колдунов, повелевать новым светилом, подарившим народу сир-тя жизнь, должны женщины – те, кто приносит жизнь в этот мир. И именно поэтому верховная шаманка Нине-пухуця вела борьбу за возвращение величия женского дома. Однако в здешней, тихой, мирной и безопасной жизни яростная борьба не нужна была никому, и потому могучая колдунья оказалась всеми отвергнута и проклята за свое упрямство – и шаманками, и колдунами. Попытки погасить солнце, дарующее жизнь, любви к старухе тоже не прибавляли.

И только посвященные знали самую высшую, главную и сокровенную тайну: народу сир-тя надлежало править миром!

Мудрые предки зажгли для своего народа солнце не для того, чтобы потомки наслаждались безмятежностью, а для того, чтобы те восстановили силы после поражения и набрались мудрости, а затем вернулись и попрали ногами своими выи поверженных врагов. Нине-пухуця пыталась погасить солнце вовсе не из ненависти к сир-тя – она желала вернуть народ на предназначенный ему путь, изгнать из теплого рая в битву. На войну за право повелевать миром, в которой сир-тя надлежало победить!

Юная Митаюки-нэ входила в число посвященных. Она восходила к древнейшему и уважаемому роду селения Яхаивар и уже сейчас, еще не покинув Дом Девичества, обладала куда большей магической силой и знаниями, нежели иные старые и опытные шаманки. Она умела исцелять и проникать в мысли, могла подчинять своей воле животных и слабых волей людей, могла собирать защитные амулеты и поклады, привлекающие несчастье, могла наводить порчу и снимать проклятия, могла варить зелья лечебные и приворотные, ядовитые и возбуждающие – и потому тайны, запретные для других, были для нее открыты.

А кроме того, Митаюки-нэ была самой красивой в Доме Девичества. Она унаследовала от матери, прекрасной Мита-Хотоданы, не только острый ум, но и широкие бедра, высокую грудь и густые черные волосы. А от отца, храброго Хар-Яхионда, ей досталось округлое луно-ликое лицо с гладкой кожей, большие губы и задорная курносость. Из полусотни девушек, вступающих в пору взросления, с Митаюки-нэ не могла сравниться ни одна. И потому именно перед ней как могли красовались воины жреческой стражи, волокущие на веревках связанную старуху. Пыль покрывала пленницу однообразной ровной коркой, и потому лохмотья ведьмы, ее кожа, повязка на глазах, спутанные волосы – все казалось единым целым, клочковатым, грязным и драным. На этом фоне упругие мышцы, лоснящаяся от ароматного жира смуглая молодая кожа тренированных тел выглядели особенно ярко.

– Проклятая Нине-пухуця поймана! – Воины, все до одного, выпятили грудь, проходя перед выбежавшими к дороге девушками. В широких набедренных повязках и высоких сапогах, с обнаженной грудью, покрытой защитными знаками, они казались могучими и непобедимыми. В одной руке юноши сжимали копья с черными наконечниками, другой тянули за веревки. Семеро молодых, сильных воинов – и одна тощая старуха.

– Попалась, попалась черная тварь! Убийца! Уродина! – радостно закричали девушки, и только Митаюки-нэ осталась спокойной и даже какой-то грустной.

Воины племени – мускулистые, рослые, статные. Самые глупые и самодовольные. Они считали, что долг мужчины – это битва, самоотверженность, слава и победы над сильным врагом; они гордились тем, что умеют сражаться, рискуют собой в дозорах, в охоте на зверей и ловле менквов. Они воображали, что если сильны и красивы, любая из девушек с радостью примет их ласки, родит им ребенка, не сомневались, что смогут добиться уважения и звания вождя.

Жалкие неудачники! Неспособные усвоить даже начальную мудрость древних – мастерство управления миром, природой и зверьми, они не понимали, что ими не восхищаются – им сочувствуют, от них не ждут подвигов – их просто используют на тупой и опасной работе, для каковой умелый колдун, если понадобится, вполне способен призвать менква или даже змею...

Знали бы воины, что единственного вождя, готового вести их в битву, к славе и победам, как раз сейчас, торжествуя, они волокут на веревках! Но для них Нине-пухуця была всего лишь злой ведьмой, желающей погасить солнце древних и погубить все живое.

Никому, кроме нее, бредни о походах во внешний мир, о власти и завоеваниях были неинтересны. Зачем уходить из-под теплого солнышка, зачем страдать и подвергаться испытаниям, если людям хорошо и здесь? Кому нужна дурная блажь о правлении миром? Только этой дряхлой и одинокой, выжившей из ума старухе!

– Ты чего, Ми? – толкнула девушку подружка Тертятко-нэ, тоже одна из красавиц Дома. – Чего такая грустная?

– Это просто старуха... – пожала плечами Митаюки-нэ.

– Ага! Которая вздумала истребить весь наш мир из-за обычной любовной ссоры, случившейся много десятков лет назад.

Тертятко-нэ, пусть умница и красавица, особыми способностями не отличалась, училась вместе со всеми, и для нее «тайной злой ведьмы» была всего лишь размолвка мужчины и женщины.

Митаюки-нэ ничего говорить не стала. Зачем? Между ней и подругой – пропасть. Митаюки предстоит стать сильной шаманкой, одной из правительниц селения. Тертятко – вырастет просто женщиной, умеющей немного заговаривать, немного ворожить и хорошо готовить. Матерью детям, женой кому-то из вождей, а может быть, даже и воину. Зачем тревожить ее слабый ум вопросами, разобраться в которых по силам только высокородным?

– Нине-пухуця злая ведьма, и ее сожгут, – грустно кивнула Митаюки-нэ. – Но она все равно всего лишь слабая старуха. Мне ее жалко.

– А мне завидно! – призналась Тертятко-нэ. – Ты представляешь, какая сильная была любовь? На несколько жизней хватит. Нине-пухуця сколько уже живет? Про нее еще бабушка моя рассказывала. Когда бабушка была маленькой, шаманку уже боялись и называли старой. Пошли посмотрим, как ее жечь будут?

– Сегодня не спялят, – покачала головой Митаюки-нэ, однако же вместе с подругами вышла на дорогу и на почтительном удалении двинулась вслед за воинами.

День был в разгаре, и оба солнца сияли во всю силу, обжигая лица сразу с двух сторон. Радостно пели птицы, стремительно разрезая воздух, вылавливая из него жучков и мошек, в озере тяжело ворочался травоядный тымбертя, разбрызгивая воду. Каждый подъем его огромной шеи окатывал окрестности настоящим дождем. Срежь высокой сочной травы шастали мел-

кие ящерки. Сюда, к селению сир-тя, опасные звери не подпускались, и им было вольготно и спокойно... Как самим сир-тя под солнцем мудрых предков.

В своих коротких замшевых кухлянках собравшиеся на дороге воспитанницы Дома Девичества напоминали стайку воробьев, разве что с черными головами. Точно так же они чирикали – весело, но неразборчиво, и точно так же прыгали, перебегая одна от другой, чтобы поделиться впечатлениями.

Дом Девичества, по обычаю, отделялся от селения небольшим перелеском. Дорога пробила его по прямой, и перед стайкой воспитанниц открылось само селение. На берегу поднимался огромный храм предков, накрытый шитыми шкурами огромных кровожадных нуеров и огражденный клыкастыми челюстями и крохотными передними лапками этих же зверей. Символ храбрости воинов и вождей племени, способных одолеть столь опасного врага.

Немного в стороне поднимался Дом Воинов, служивший больше для встреч вождей, колдунов и старших воинов, нежели для их обитания. Ныне бессемейных вождей в селении осталось всего трое, так что дом стоял почти пустым. За перелеском просматривалась крыша Дома Мальчиков, тоже выстроенного чуть поодаль. Мальчики так же, как девочки, переселялись в эти дома по достижении семи лет, где и обучались опытными воспитателями хитростям будущей взрослой жизни. Кто оказывался способен – постигал мудрость, кто не очень – учился умению ворожить и сражаться, а самые глупые – только храбрости и искусству воевать.

Пройдя посвящение и став мужами, мальчики переселялись в Дом Воинов до тех пор, пока не выбирали себе жен... Семьи с детьми жили в отдельных хижинах, вольготно разбросанных на просторной луговине за храмом, от озера и до самого леса. Между селением и храмом находилась просторная утоптанная площадь, на которой происходили все торжества и праздники. Ее огораживала череда очагов...

Единственное, чего здесь не было, так это узилища, места для содержания пленников. И потому воины привязали злобную Нине-пухуца к толстой иве, выросшей на берегу возле причалов. Руки завели за спину, затянув веревкой округ толстого ствола, а потом прикрепили еще и за плечи, чтобы не упала. Повязку на глазах оставили – чтобы взглядом никого не поймала, воле своей не подчинила, разум не затуманила, не запутала, не заморочила.

– Сожгут? – опять с испуганной надеждой спросила Тертятко-нэ, крепко вцепившись двумя руками подруге в локоть.

– Нет, – покачала головой Митаюки-нэ. – Кабы по-быстрому хотели убить, сюда бы не тянули. Прилюдно карать станут. Дабы все ведали, что нет больше злой ведьмы. Что поймана и истреблена.

Старуха вскинулась, вытянула шею, повела носом, прокаркала гнусным голосом:

– Беду чую! Кровь, смерть, боль в селение сие крадутся. Смерть, смерть! Умрете все, рассыплется косточки белые середь травы зеленой! Развернулись крылья черные над народами сир-тя! Погаснет солнце предков, растают идолы, снег и холод придут на земли цветущие, мрак и пустота. Умрете, все умрете! Недостойно жить тем, кто в сытости и неге прозябает! Кто не ищет себе доблести и подвига, кто не рвется к власти и силе! Смерть написана на роду вашем, сир-тя, и рожденные сегодня не увидят уже глаз детей своих! Вы не искали славы и подвига, так подвиг и слава сами придут к вам, жалкие несчастные лентяи! Но это будет не ваша слава! Это будет ваша смерть!

Вышедший из святилища седовласый Хасуюимдей, в новой набедренной повязке, с лентой из защитных амулетов на лбу, надетых поверх костяной личины в виде человеческого черепа, и с большим золотым шаманским кругом на груди быстрым шагом направился к берегу, зачерпнул ведро воды и с ходу выплеснул на ведьму.

– Охолонись, Нине-пухуца! Хватит с нас твоих проклятий.

Старуха захлебнулась на полуслове, задержалась. Верховный шаман бросил ведро ей под ноги и под общий смех ушел обратно в святилище. Вода потекла по женщине, оставляя на теле темные грязные потеки.

– Глупцы! – немного придя в себя, снова принялась вещать пленница. – Вострите копья, готовьте палицы, учитесь драться. К тем, кто не захотел выйти беде навстречу, беда сама войдет в двери. И прольется кровь! И провалятся души невинных в темный мир мертвых!

Молодые воины, переглянувшись, подхватили ведро, зачерпнули воды и окатили черную колдунью снова, а потом еще раз. Нине-пухуця, задыхаясь, замолчала, лишь вздрагивая под холодными струями.

Митаюки-нэ не выдержала, шагнула вперед, вскинула руку:

– Как вы смеете глумиться над высокородной женщиной, жалкие червяки?!

– Это же злая колдунья, Митаюки! – улыбаясь, чуть отступили воины. По их мускулистым телам, радужно поблескивая, стекали капли, мышцы играли под смуглой кожей. Руки крепко сжимали тяжелые копья. Но юная ведьма хорошо ощущала в их душах потаенную опаску. Юноши подозревали, что девушка способна завладеть их волей, подчинить и, например, вынудить самих прыгнуть в озеро.

– Пусть злая. Но сильная и высокородная! – осадила их Митаюки-нэ, вошла в воду, сорвала пучок гибких водорослей, после чего старательно отерла ими влажное тело Нине-пухуця, омывая его от грязи.

Старуха повела носом.

– Чую деву невинную... Слабую покамест, но даровитую... С судьбою горькою... – И ведьма вдруг зашептала: – Не того, дитя, бойся, что страшным кажется, а того, что простым. И в смерти спасение прийти может, и в мучениях сила, в вороге судьба. Не к добру, чистоте и свету тянись – к мукам, страху и ужасу. Они тебя токмо и спасут, они счастье твое составят. Меня слушай, от надежд отрекись. К смерти тянись, к мукам и ужасу! Как смиришься с ними, на том судьба и переменится.

– Ты обезумела, мудрая Нине-пухуця, – замерев, испуганно сглотнула девушка. Пророчество сильнейшей шаманки повергло ее в ужас.

– Не я обезумела! Весь род сир-тя обезумел! – вскинув голову, расхохоталась колдунья. – Я предрекаю смерть потомкам древних мудрецов! Но глупые сир-тя не боятся смерти. Они боятся меня!!!

– Приготовься, мудрая Нине-пухуця, – предупредила старуху Митаюки-нэ. – Я омою тебя, чтобы убрать грязь.

Ведьма сжала губы и очередной ушат приняла с достоинством. Девушка наскоро отерла ее тело водорослями еще раз.

Но тут из храма снова вышел Хасуюимдей и приказал воинам:

– Бегите по поселку, созывайте всех шаманов. Боги тревожны, кости выпадают на черную сторону. Мы должны провести большое камлание... – Он повел взглядом вдоль берега и вдруг грозно прикрикнул на девушек: – А вы что тут делаете, пигалицы?! Нечего вам в селении делать, а ну к себе пошли! Бегом за перелесок!

Воспитанницы Дома Девичества прыснули по дороге и замедлили шаг, только миновав заросли.

– Верховный шаман был встревожен, – сказала Тертятко-нэ. – Я почувствовала внутри него страх.

– При ежедневном гадании выпали знаки большой смерти или беды. – Митаюки-нэ, как более сильная и умелая, восприняла состояние шамана намного точнее. – Он полагает, это из-за появления черной ведьмы, накликающей на сир-тя гибель. Хочет ускорить казнь, дабы она не успела наколдовать какой-нибудь мерзости.

– Смотри!!! – схватив подругу за руку, вскинула ладонь Тертятко. – Упряжка Темуэде-ни, бога темного мира, бога смерти!

По небесам, темные и мрачные на фоне белых облачков, неслись всеором три больших болотных ящера, редко взмахивая розовыми кожистыми крыльями. И хотя ни ремней, ни саней за ними видно не было, каждый сир-тя знал, что именно властитель темного мира запрягает болотных ящеров, чтобы самолично направиться туда, где ожидается пиршество смерти, где появится много погибших или умерших от болезней людей. Самая верная старинная примета, увидеть которую страшится любой смертный.

– Может, он не к нам? – в ужасе прошептала одна из девочек.

– К нам, Сикуте-нэ, к нам, – покачала головой Митаюки-нэ. – Мыслью, за старой Нине-пухуця он заявился. Злая шаманка – главная его сторонница, невесть сколько поколений ему служит. За ней, верно, и летит. Упряжка Темуэде-ни ведь накануне завсегда снаряжается? Попомните мое слово, как раз завтра ее и сожгут. Все к тому идет, по всем приметам. Посему и колдунья старая все силы зла к себе стягивает. Мир боится и сотрясается. Вот отсюда и приметы. У меня поутру гребень сломался. Тоже примета жуткая, об опасности для головы, для жизни предупреждает. Кабы о казни Нине-пухуця не знала, испугалась бы, домой ушла и в тайнике родовом затаилась...

Митаюки-нэ пригладила волосы ладонью и вдруг, хихикнув, предложила:

– Девочки, а пошли купаться?

– Пошли!!!

От этого предложения не отказался никто, и воспитанницы Дома Девичества, на ходу скидывая кухлянки, побежали к озеру.

* * *

Силантия Андреева с его путеводным копьом атаман назначил старшим в первый струг, повелев указывать дорогу, под свою руку взял второй, посадив Маюни рядом. Егоров не очень верил в туповатого десятника, но вслух этого не признавал. Просто присматривал издали и на остяка поглядывал, надеясь, что мальчишка предупредит, если Силантий ошибется с дорогой. Однако проводник сидел спокойно, заплетая из стебля лютика забавные травяные паутинки и раскладывая их под лавки корабля.

Третьим стругом командовал отец Амвросий, четвертым – Матвей Серьга, посаженный в старшие в награду за проявленную в вылазке доблесть, а заодно и для проверки – как с воеводскими обязанностями управится. Все же третий десяток мужику скоро, давно пора из простых казаков в старшие подниматься. Коли по силам ему за других отвечать, конечно же...

Замыкал поход, понятно, струг Ганса Штраубе – вояки опытного и знающего. Отставшему поможет, попавшего в беду поддержит, раненых вытащит, отступление прикроет, атаке на помощь придет. В нем боярский сын Егоров был чуть не больше, чем в себе уверен. Уж очень хитер зачастую немчура оказывался, простодушным казакам не чета...

Силантий командовал угрюмо. Приказов почти не отдавал, разговоров не заводил, с ратными не шутил. Как утром отваливали – токмо рукою изредка кормчему показывал, как струг удобнее через излучины провести. Ближе к вечеру приказывал на привал останавливаться – а там уже к атаману вся власть переходила.

Впрочем, казакам было не до веселья. Тяжелые струги шли все время против течения. Ветра на узком русле меж высоких лесов не было, так что мачты путники даже ставить не стали, полагаясь только на весла. Даже трудясь в две смены, выматывались они так, что на привалах сил оставалось только поесть да свалиться спать.

Восемь переходов прошли без приключений – даже огромные здешние ящеры к стругам старались не приближаться. Видимо, принимая за неведомых зверей, что могут при своих

размерах оказаться и опасными. На девятый день пути, после первой пересменки, Силантий поднял руку и указал на берег. Струги один за одним послушно привалили к череде корней, подобно изгороди торчащим из воды.

– До заставы дикарской верст пять всего осталось, атаман, – сказал Андреев. – Надо бы помолиться крепко да пяток лучников вперед выслать. Знамо, со мною и Маюней. Глаз у остяка острый, пригодится.

– Задумку имеешь? – спросил его Егоров.

– О прошлом разе до тех пор от чародея прятались мы, пока разговоры житейские не завели, – признался десятник. – На них сразу и попались. Посему полагаю, души нам очистить надобно, исповедавшись, и причастие принять. А уж опосля, с мыслями травяными, на колдунов и выступать. После пропажи караульного воеводы здешние, по уму, пост усилить должны. Место там на троих – троих, вестимо, и поставят. Подкрасться надобно незаметно да стрелами и посечь, пока чары напустить не успеют.

– Разумно... – согласился воевода и, обернувшись, закричал: – Отец Амвросий, разворачивай часовню походную. Ныне помощь Господня нам превыше прочих надобна. Исповеди принимать пора да грехи отпускать, дабы с душою чистой и твердой в сечу идти.

Над именами лучников следовало подумать особо. Выбрать лучших из лучших, дабы первой же стрелой по цели не промахнулись, но и по нраву спокойных – чтобы суетой или смехом себя не выдали. Иван Егоров поколебался и выбрал... Себя.

Пробираться через здешние густые заросли пять верст пешком лучники не рискнули – на первом струге прошли вдоль берега вверх и высадились всего за полверсты до колдовского караула. Дальше началось самое трудное – красться между плотно стоящими стволами и путаными толстыми лианами, протискиваться через кустарник, стараясь хотя бы не издавать никаких звуков, раз уж не колыхать ветки в растительной густоте было невозможно.

Лес пах гнилью и курагой, дышал влажностью, сыпал листьями и коричневой трухой, похожей на перетертую кору. Он ронял на голову и за шиворот склизких гусениц и колючих жуков, облеплял паутиной, захлестывал ветвями и корнями. При этом какие-то твари постоянно кусались под одеждой и в волосах, стволы царапались, многие кустарники оказывались с шипами...

Людам же нужно было молчать и сохранять спокойствие в мыслях, мечтая о зеленых листьях и сладких цветочках. Иван Егоров, раз уж эта уловка помогла однажды, решил не отказываться от нее и сейчас, надеясь выдать себя перед колдунами за тупую скотину. С каждым укусом или порезом он неизменно радовался, что решил идти в головном отряде сам. Казаки ведь народ буйный, вполне могут разозлиться, заругаться, кохух сорвать и ногами потоптать... Атаман же после каждого укуса лишь громко шептал, как бы себе под нос, но слышно для товарищей:

– Хочу покушать вкусных веточек, хочу кусить белые цветочки... – подавая пример правильного поведения и напоминая о том, о чем нужно думать. При воеводе казаки сдерживались, воли чувствам не давали.

Примерно через час таких мучений лазутчики неожиданно услышали сверху протяжный распев. Мгновенно замерев, они подняли лица и увидели впереди, в гнезде, сплетенном в кроне многовекового дуба, паренька в набедренной повязке, что-то растирающего меж камней, при том мурлыкая под нос песенку и отбивая ступней ритм. Совсем изредка караульный поднимал голову, бросал на реку скользящий взгляд и снова возвращался к своему делу. В общем, вел себя так, словно никогда в жизни не слышал о том, как снимают часовых и вырезают караулы, о том, что на посту нужно всегда держать ухо востро, ибо даже в самое мирное время дальний дозорный, закрывая злоумышленникам путь в свою страну, рискует головой...

Иван Егоров вскинул палец, открыл колчан, достал лук, наложил стрелу на тетиву. Покоился на товарищей. Все лазутчики последовали его примеру, зацепив кольцом большого пальца тетиву и зажав комель стрелы в кулаке.

– И-и-и... Х-хо! – Атаман, напрягшись всем телом, резко оттянул правый кулак к уху и тут же его разжал, не в силах удержать натянутым тугой лук. Пять стрел легкими росчерками пронзили листву и все разом впились в смуглое тело. Караульный мигом обмяк – наверное, даже и не успев понять, что случилось. Однако пара сообразительных ворон уже спикировала к свежей мертвечине.

– Травка зеленеет, цветочки распускаются, веточки вкусные и большие... – торопливо напомнил Егоров, о чем именно сейчас нужно думать.

– Лук можно не прятать, – тихо сказал Силантий. – Тут рядом, сажень сто.

Так же медленно и осторожно, взвешивая каждый шаг, лазутчики добрались до ручья, по нему, согнувшись в три погибели, прокрались под свисающими ветвями к началу тропы, выбрались на нее, наложили стрелы на тетиву. Затаив дыхание, двинулись дальше – пока не услышали громкий разговор.

Один из караульных раскачивался в гамаке, помахивая свешенной ногой, второй сидел на кувшине с киселем, удивленно рассматривая завядший травяной многогранник, заплетенный на ивовых ветвях. Покрытый чарами верховного шамана амулет должен был предупреждать воинов о внезапной неведомой опасности. Да, похоже, испортился...

Пропели в воздухе стрелы, вскрикнули от боли чародейские защитники. Один даже успел вскочить – но только для того, чтобы получить в грудь еще три стрелы и свалиться на землю.

– Ну, эти хоть отдыхающая смена... – извинил погибших атаман. – На болтовню имели право. Маюни! Ты у нас самый быстрый и ловкий, беги на струг. Сказывай, пусть подтягиваются, путь открыт. Надеюсь, к причастию успели подойти все и хотя бы до завтра сохраняют умы в ясности. И смогут думать только о траве и цветах, а не о золоте и бабах! Силантий, пошли еще раз на ручей глянем.

– Да мелковат он, Иван Еремеевич! Не пройдет струг, килем зароется.

– Может, и зароется... Однако же по воде тянуть всегда легче получается, нежели посуху. Может, подрыть все же проще выйдет, чем на катки выволакивать? Коли дно песчаное, так точно проще.

Иван Егоров прошел по всему ручью от начала до конца, после чего велел обрубить несколько толстых лещин, концы сучьев заострить, и в результате у воинов получилось несколько тяжелых деревянных мотыг. Когда струги подошли к устью ручья, атаман приказал казакам выгружаться. Четверых поставил рыть перед стругом канаву, остальным велел навалиться на борта и толкать корабль вперед.

Песок поддавался легко – но так же легко оплывал и обратно под киль. Однако оставался там рыхлым и протаскиванию судна почти не мешал. Дружными усилиями казаки примерно за час протолкали струг до озера, следом второй. Остальные три проплыли уже без сопротивления – русло ручья отступило перед упрямством людей и углубилось на стремнине, приняв новую форму.

– Теперь спать! – приказал воевода. – На свету дальше не пойдем, как бы не заметили. Ночью к городу подкрадемся.

– Так, может, ночью и напасть, атаман? – спросил немец. – Взять тепленькими, пока неладного не учуяли!

– Мы же не кошки, Ганс! – ответил Егоров. – В темноте, в незнакомом месте, супротив местных... Этак можно не врага взять, а самим головы по-глупому сложить. Подкрасться надобно и осмотреться. Узнать, где крепости их, где капище, где дома богатые, где голытьба кантуется. Где воины собраны, где чародеи... Опосля первых ударом внезапным смять, а вто-

рых издалека пищалями и луками выбить. Пока определимся, пока подтянемся... Нет, раньше завтрашнего полудня не успеем.

– Воля твоя, атаман... Но уж больно тяжело про травку помышлять, когда до золота уже совсем рукой подать осталось.

– Вот посему я всех нынче без обеда и оставлю, Ганс. Чтобы о брюхе думали, а не о кошеле!

Казаки рассмеялись. Все понимали, что атаман просто не хочет выдать ватагу огнями и дымами, готовя пищу. А вяленого мяса всухомятку пожевать – так у каждого порция на день имеется. Можно и съесть, коли очень уж охота. Но после восьми дней гребли самым главным для воинов была вовсе не еда – а возможность просто лечь в траву, раскинуть руки – и ничего не делать, наслаждаясь безмятежным покоем.

Воевода и его помощники отдыха себе позволить не могли. Обосновавшись в ивняке на берегу, они рассматривали далекий берег, выбирая место для высадки и отдыха перед атакой. Сошлись на леске, в котором угадывались кроны дубов и лип. На болоте эти деревья не растут – стало быть, место сухое. Кроны уходят далеко вдаль и в стороны – значит, и лес большой. Есть где укрыться али куда отступить, коли схватка не так пойдет.

Когда над озером сгустилась ночь, казаки вывели свои корабли на открытую воду и, таясь в тени берега и не торопясь, дабы не плескать веслами, прокрались почти к самому городу, высадились в намеченном бору, сразу уйдя под кроны. Тоже медленно и осторожно, думая о травке и цветочках, стараясь не выдать себя ни треском, ни мыслями. Ушли недалеко – дабы не нашуметь в потемках. Заныкаться в чаще ведь можно с рассветом, пока селяне, продрав глаза, потягиваются, готовят завтрак, одеваются, собираются на работы.

Струги, на каждом из которых осталось по два гребца, тоже ушли недалеко, к ольховнику, перед которым тянулась тростниковая опушка. Коли втиснуться между серой камышовой стеной и берегом – с воды корабли никто с десяти шагов не разглядит. С берега тоже – ибо ивняки сырые и люди по ним обычно не гуляют.

За пару часов до рассвета все затихло, и ватага даже смогла немного прикорнуть, прежде чем двинуться дальше, готовясь к решительному броску...

* * *

Утро встретило селение зловещим кровавым крестом – переkreщенными отблесками двух рассветных солнц на дрожащей озерной ряби. На крыши домов слетели греться из леса бабочки-черноголовки, заплакали росой клыки черепов, украшающих вход в святилище, тревожно закружились над дубравой птицы, лопнули кожи сразу трех шаманских бубнов, застонали среди кустов мохнокрылые летяги, не желая возвращаться в родные гнезда.

Обилие зловещих примет, каждая из которых обещала боль и погибель, настолько встревожила вождей сир-тя, что они отказались от показательного суда над черной шаманкой, желавшей уничтожить все живое в этом мире, и решили, не оттягивая торжества, просто казнить могучую служительницу бога нижнего мира Темуэде-ни. Все едино иного конца старуху не ждало. Пока Нине-пухуця оставалась жива, зло тянулось к черной колдунье со всех сторон, окружая поселок, витая в воздухе настолько плотно, что ощущалось вязкой мерзостью всеми, от мала до велика. И даже туповатые воины, не пригодные ни на что, кроме как ходить на охоту или охранять менквов, – даже они тревожно посматривали то в небо, то по окрестностям, всей своей гладкой смуглой кожей предчувствуя неладное.

В таком состоянии вождям и шаманам, победителям зла, стало не до торжеств, и если привязанная на берегу старуха не была убита сразу с рассветом, то лишь потому, что нож или дубина вряд ли причинили бы ей вред. Чтобы избавиться от сильной шаманки, ее нужно

лишить плоти полностью, до волоска, до последней косточки, обратить в пепел до последнего ноготка.

Верховный шаман, остановившись утром перед старухой, спросил только:

– Ты все еще не смирилась, мерзкая тварь? Ты надеешься, Темуэде-ни станет тратить свои силы на спасение столь злобной колдуньи? Призываешь духов, зверей и болезни? Не надейся! Тебя не спасет ничто! И не будет тебе ни жизни здесь, ни славы в нижнем мире, ибо мы уничтожим тебя до конца, не оставив ни души, ни плоти. – Хасуюимдей отступил от пленницы, пытавшейся нащупать его взглядом сквозь плотную повязку, и приказал стоящим окрест воинам: – Собирайте перед святилищем костер! Проводим нашу великую гостью в ее последний путь.

Повторять дважды не пришлось – крепкие парни, побросав копья, бодро ринулись к дубраве, на опушку которой была из леса натаскана огромная груда сухостоя, крупного валежника и порубленных на несколько частей маленьких деревьев, выволоченных из чащи целиком. Этой тяжелой работой обычно занимались менквы, по указаниям младших колдунов, подчинивших мохнатых уродцев своей воле. Однако разделять дрова для очагов сир-тя приходилось уже самим. Коли подавлять рабам волю – то с такой сложной работой зверюды не справляются. Если волю отпустить – то оставлять топоры в руках злобных тварей было бы слишком опасно. Они ведь легко способны и на хозяев наброситься. Все знали, что человеческий мозг считался у менквов самым желанным лакомством.

Однако для костра ничего рубить-колоть не требовалось, и воины стали споро тягать стволы и коряги, выбирая те, что покрупнее, дабы потом оставшийся валежник было проще порубить. Ствол сыроватой осины с трухлявыми ветками они укрепили стоймя, поджав тяжелыми колодами, навалили рядом и на колоды еще с десятков деревьев, добавили снизу немного веток, дабы куча лучше разгорелась.

Пока воины трудились, со всего селения, из Дома Девичества и Дома Мальчиков, из дальних святилищ подтянулись женщины, дети, мужи – умелые колдуны и простые воины. Все видели происходящее, знали, что оно означает, и все с нетерпением ждали завершения правосудия – ибо мрачные приметы видели тоже все и устали пребывать в страхе.

Митаюки-нэ вместе с остальными воспитанницами тоже пришла к святилищу – девушки плотной кучкой сбились справа от дороги под присмотром дородной воспитательницы Сухи-Алки. Она с детьми осталась единственной – прочие колдуньи Дома находились в святилище, своими чарами помогая верховному шаману удержать качающийся мир от наступления зла. Остальные жители приозерного селения стояли редко, семьями, терпеливо дожидаясь, пока вожди и шаманы наконец-то исполнят свой долг.

Опасаясь чар могучей колдуньи, отвязывать ее Хасуюимдей отправил не воинов, а молодых шаманов, крепких телом и волей. Поблескивая золотыми амулетами, те быстро управились с веревками, разошлись, распростав старуху, словно опасного ящера, потянули на костер. Нине-пухуця шла спокойно, не видя, что ведут ее к месту казни. А может статься и так, что огня она тоже не боялась.

Затянув старуху на колоды, молодые шаманы, непрерывно шепча защитные заговоры, крепко примотали ее к осине, с облегчением спрыгнули вниз. Хасуюимдей удовлетворенно кивнул, ушел в святилище и вскоре вернулся с факелом, зажженным от жертвенного очага. Но просто запалить костер как-то не решился и громко провозгласил:

– Ты ищаде зла, старая Нине-пухуця, черная шаманка, служительница смерти! Ты пыталась погасить солнце предков, принеся погибель всему живому! Ты ненавистница народа сир-тя, хотя и порождена им же! Ты хотела уничтожить наш мир, так сгинь же сама, унеся с собой свою ненависть и свои беды! – И он решительно запихнул факел под хворост.

– Обречен смерти народ, променявший жажду нового на покой и сытость! – вскинув подбородок, громогласно ответила Нине-пухуця чуть хриловатым, но звонким голосом. – Обре-

чен гибели народ, что не ищет для себя подвигов и достижений! Обречен смерти народ, что не ищет в чужих землях поле для битвы, ибо иначе битва придет к нему! Обречен гибели народ, забывший заветы предков и живущий одним днем! Не я вас убиваю, сир-тя! Вас убьет ваша лень и любовь к неге! Боги нижнего мира уже занесли над вами карающий топор! Да прольется кровь тех, кто не готов жертвовать ею сам! Да сгинут те, кто недостойн жизни! Вижу я упряжку великого Темуэде-ни, примчавшегося за вашими душами! Спускается он на берег тихого озера, открывает свои мешки, тянется к вам холодными руками! Пришло время умирать!

– Будь ты проклята, черная тварь! – Даже у верховного шамана побежали по спине мурашки от жуткого пророчества старухи, он зашуровал факелом под валежником. Сучья и ветки разгорелись шустро, облизывая своими алыми языками колоды, но дальше огонь не понимался. Крупные стволы трещали, дымили, стреляли искрами, чадили, чернели – но полыхать не хотели. – Проклятье! Унху, принеси горячий жир!

Молодой шаман, сорвавшись с места, скрылся в святилище, а старая колдунья закашлялась, надышавшись дыма. Хасуюимдей облегченно перевел дух – наконец-то злая Нине-пухуца оборвала свои безумно-зловещие предсказания!

И чем только ей не нравился этот мир? Сир-тя живут в покое и безопасности, не знают голода и врагов. Зачем нужно что-то менять?

Унху выскочил с берестяным коробом, в котором хранилось змеиное сало, горькое и вонючее, а потому непригодное ни на что, кроме светильников, промчался полпути до костра... и вдруг замедлил шаг, глядя куда-то за спину верховному шаману. Глаза паренька округлились, Хасуюимдей ощутил катящуюся от него волну ужаса, резко обернулся.

* * *

Едва стало светать, казачья полусотня поднялась и двинулась в глубину чащи. На краю легко оказались замеченными случайными жителями, спозаранку собравшимися в лес за дровами, грибами или ягодами. Дубрава оказалась чистой, ухоженной: валежник убран, сухостоя нет, гнилья тоже, каждые три-четыре сотни саженей воинам встречалась широкая тропа, идущая к селению.

– Заботятся дикари, – тихо отметил отец Амвросий, – даром что язычники. Берегут.

По ухоженному лесу и идти было легко, так что уже через полчаса воевода приказал остановиться, выставить дозоры и готовиться к бою. Сам же, взяв немца и Андреева с Серьгой, отправился на разведку.

В этот раз они подобралась к селению с востока, от самой чащобы, откуда местные нападения точно ждать не должны. Выйдя к краю вскопанных грядок, спрятались за стволы, благо дубы в толщину имели по два-три локтя, и вполглаза выглянули вперед.

– Хижин и вправду много, друг мой, – отметил Ганс Штраубе, осматривая редко стоящие остроконечные юрты, крытые толстой пятнистой кожей. – Полагаю, их тут между грядками сотни полторы наберется. Сиречь полтора-семь семей. Коли обычные, со стариками и детьми, можно по два мужика на каждую считать. Хозяин и старик али сын взрослеющий. Три сотни воинов и бабы с детьми. На круг, мыслю, больше тысячи населения наберется. Считай, город.

– Трем поколениям в таком шалаше не уместиться, – покачал головой Силантий. – Мыслю, каждый выюнош по взрослению новый себе должен ставить.

– Токмо бедные больно дома-то... – добавил немец. – Откуда у них золото?

– Они в чумах своих не живут, спят только, – раскладывая подзорную трубу, сказал Иван Егоров. – Я, когда в полоне был, присмотрелся. В семьи токмо на ночь расходятся, уединиться. А живут там, возле святилища. – Воевода вскинул трубу, навел резкость. – Там играют, там готовят, там делами занимаются, там молятся. Все там, у святилища, происходит. Оттого и

домишки столь простые. Здесь же тепло всегда, топить не нужно. От ветра, дождя, взглядов чужих прикрывают, и ладно.

– Надеюсь, они хоть на перинах спят? – сварливо поинтересовался Штраубе. – Я на жердях все бока уже отлежал, хочу постель помягче.

– Вот черт, да они, похоже, казнь учинить затеяли! – вода кончиком трубы, выдохнул воевода. – Баба какая-то к дереву привязана, дикари вокруг суетятся, толпа изрядная собралась. Кулаками машут, недовольные... Или бить намерены, или пытку затеют. Народец здесь изощренный.

– Дай глянуть, Иван, – попросил немец и, завладев трубою, привалился боком к стволу, прочно опираясь на него локтем.

– Пусто совсем по хижинам... – еще раз осмотрел селение Егоров. – Господь с нами, весь ворог в одном месте собрался! Вот тут его одним ударом бы и прихлопнуть!

– Повезло, – согласился Штраубе, складывая трубу. – Казнь есть удовольствие редкостное, на него завсегда весь народ сбегается и по сторонам не смотрит. Надеюсь, несчастную старуху будут пытать. Это продлит для черни удовольствие, и мы успеем подступить, пока они не разойдутся.

– Ударим не отсюда, подберемся вон к тому ясеню, – указал на одинокое дерево атаман. – Там до святилища бежать ближе. Я людей в атаку поведу, а ты, Ганс, с десятком стрелков останься сзади и следи за дикарями. Те из них, что золотые украшения носят, есть главные чародеи. За ними особо и смотри. Коли покажется, что ворожкой кто из них вдруг начал заниматься, на казаков что-то насылают, али еще что подозрительное померещится, стреляйте в такого без промедления. Но без нужды порох не жгите, и без того мало осталось. По возможности луки пользуйте. Давай, Ганс, беги к ватаге, поднимай, выводил к месту. Пусть поторопятся, нам хорошо бы еще до казни успеть, дабы местные от зрелища не отвлекались. Серьга и Силантий за мной. Понаблюдаем покамест. Может, еще чего интересного углядим?

Однако из «интересного» увидеть удалось только то, что дикари принялись таскать от леса на площадь дрова, обкладывая ими поставленный вертикально столб.

– Жечь будут! – понял воевода. – Это хорошо. Дело небыстрое, успеем подготовиться...

Вместе с двумя казаками Иван Егоров двинулся по краю леса к ясеню, время от времени останавливаясь ненадолго, снова и снова всматриваясь в толпу язычников.

– У них там только ножи, – наконец убедился атаман. – Копья лишь у стражи святилища да еще у нескольких людей там же. Дубинок вообще не видно. Вестимо, сразу по капищу бить нужно. Там главная сила. Их сомнем – остальные сдадутся.

К тому времени, когда дикари стали отвязывать свою жертву от дерева, воевода со спутниками выбрался на ведущую к ясеню тропу. А когда начали привязывать над будущим костром – к ним подтянулась и остальная полусотня.

– Атакуем молча! – предупредил Егоров. – Не станем раньше времени язычников от праздника их кровавого отвлекать. Капище за костром, на берегу. Его и захватываем, не отвлекайся! Все едино брать тут больше нечего. Сомнем стражу, и победа наша. А там посмотрим... Все поняли? – Воевода вытянул саблю. – Тогда за мной!

* * *

Когда резко обернулся верховный шаман – повернулись и все собравшиеся сир-тя, и Митаюки-нэ тоже. Они увидели десятки странных людей в грязных одеждах, взявших на невесть откуда и бегущих к святилищу с длинными сверкающими палками. В первый миг, от неожиданности, всем стало страшно – многие даже попятнулись, а мужчины схватились за ножи. Но почти сразу все успокоились. Мало ли дикарей обитало в окраинных землях? Что

они могли сделать древним и могучим родам сир-тя? К тому же чумазных безумцев было совсем немного.

– Твои старания напрасны, злобная Нине-пухуця, – презрительно произнес Хасуюимдей. – Тебе не испугать нас, как не одолеть нас твоим жалким демонам...

Великий шаман вскинул руку ладонью к дикарям – и те вдруг замерли, словно вмерзли в прозрачный лед, не в силах шелохнуться.

Внезапно воздух разорвал оглушительный раскат грома, и из груди Хасуюимдея вырвался красный клочок. Шаман взмахнул руками, откидываясь на спину, его личина сорвалась с головы и отлетела в сторону – а дикари метнулись дальше, громко вопя:

– Ур-ра-а!!!

– Остановите их! – закричали шаманки, окружавшие отчаянно дымящий, но так и не полыхнувший костер.

Против вызванных черной ведьмой духов выступили еще несколько колдунов – но грохочущая смерть и стремительные стрелы быстро выбили их одного за другим.

– Не смотрите, сражайтесь! – Вождь Дома Воинов схватил копье, метнул в сторону дикарей, отобрал у молодого паренька другое, кинулся навстречу врагам, ударил первого в грудь...

Митаюки-нэ сообразила, что часть дикарей бежит прямо на нее, ощутила их ярость, вспомнила, как любят подобные существа пить мозг пленниц, завизжала и бросилась наутек, так же, как все остальные подруги. Однако бежать было толком некуда – дорога к Дому Девичества тянулась мимо дикарей. Девушки метнулись к берегу, немного замялись – но страх смерти оказался сильнее страха перед холодом воды и змеями, и они кинулись в воду, забрели в нее как можно глубже, почти по шею, и только там обернулись.

А в селении кричали все и везде. Умирали шаманы и шаманки, что старались обрушить на врага свою мудрость, возле святилища сильные и красивые стражники бились с дикарями – и почему-то один за другим падали на землю. Демон в длинной малице из неведомой кожи вошел в дым и огонь и перерезал пути Нине-пухуця, странно взмахнул рукой, словно перекрещивая ее, выскочил на свежий воздух. Ведьма сняла повязку, огляделась и... исчезла. Дружный крик послышался справа, от Дома Воинов.

– Сейчас всех демонов побьют! – злорадно объявила Тертятко-нэ. – Мужчины взялись за оружие!

Маюни оказался как раз впереди, когда из большого двускатного чума, крытого единой шкурой одного огромного зверя и увенчанного клыкастым черепом на коньке, высыпала огромная армия сир-тя, вооруженных грозными палицами со вбитыми в оголовье острыми камнями, ринулась на казаков. Мальчик невольно сглотнул, поднял саблю, выданную атаманом после зачисления в ватагу.

Размалеванные сажей и охрой враги набежали и...

И он невольно зажмурил глаза.

Стук, чмоканье, звон, протяжные стоны... Маюни открыл глаза и увидел, как Матвей Серьга шарахнулся вбок, уворачиваясь от падающей дубинки, рубанул сир-тя по затылку, тут же уколол в грудь второго, еще только заносящего оружие над головой, отпрыгнул от третьего, врезавшись в мальчика, вместе с ним грохнулся на землю, заорал:

– Чего застыл, остяк?! Отбивайся!

Справа и слева, насколько хватало глаз, казаки отчаянно бились с сир-тя, не отступая ни на шаг, хотя врагов явно было больше, причем намного. Чуть в стороне стоял Ганс Штраубе с винтовальной пищалью и тремя лучниками, холодно глядя на кровавую сечу. Он не вмешивался в схватку, но немедленно указывал лучникам на появляющихся в виду врагов с золотыми дисками на груди – и те тут же падали под стрелами. Сам немец стрелял редко – только по самым далеким врагам.

– Ахха-а!!! – Сир-тя с выпученными глазами попытался ударить в бок Ухтымку, не обратив внимания на упавших врагов. Серьга, лежа, пнул его под колено, сбивая с ног, резко поднялся, тут же припал на колено, пропуская над головой очередную дубинку, подрубил руку, вскочил, добил раненого врага. Встретил другого.

Дубинка с отрубленной рукой шлепнулась рядом с Маюни, и мальчик в ужасе впился взглядом в медленно разжимающиеся пальцы. Услыхал сбоку грозный рык, ощутил движение и, повинаясь скорее инстинкту охотника, нежели навыкам воина, подхватил дубинку, метнул в сторону опасности. Оружие столкнулось с оружием, сир-тя замялся, промахнувшись по мальчику – и Маюни, спасая свою жизнь, в отчаянии со всей силой ударил его саблей. Острый клинок вошел в тело с неожиданной легкостью, враг охнул... И жуткий могучий сир-тя превратился в жалкий кусок мяса.

– Да-а!!! – Мальчик повернулся, держа в левой руке дубинку, в правой саблю, и теперь уже бесстрашно посмотрел на извечных врагов обитающих на Оби племен.

– Ч-черт! – Ухтымка, пятясь, споткнулся о труп, упал на спину. Сир-тя, подскочив, занес над головой дубину.

– Нет! – Маюни метнулся на помощь, вытянул вперед саблю, коля врага не в тело, а в руку. Но этого хватило, чтобы сир-тя опоздал с ударом, – казак, извернувшись, уколол его в живот, вскочил:

– Спасибо, остяк!

Ухтымка тут же ринулся в новую схватку, а Маюни чуть помедлил и прыгнул к Серьге, к которому сир-тя подбирались сзади, подставил свою дубинку под удар, закричал, размахивая саблей. Казак обернулся, присел, подрубая врага поперек груди, вскочил, отмахнулся от дубинки второго врага, ударил его ногой в пах, тут же рубанул промеж лопаток согнувшегося от боли дикаря. Справа от Маюни Ухтымка весь выгнулся, пропуская дубинку за спиной, но неудачно: она прошла прямо по телу, разорвав кафтан и глубоко вспоров кожу. Паренек закричал от боли и крутанулся. Сверкнула сабля, голова сир-тя скатилась на землю, а молодой казак запрыгал, мотая головой:

– Ух ты, как больно-то! Посмотрите кто-нибудь, что там? Я жив? Меня убили?

Казак опустил оружие, недоверчиво поглядывая по сторонам. Битва кончилась, больше на них никто не нападал. Уцелевшие сир-тя попрытались, над селением повисла тишина.

– Да помогите же! – взмолился Ухтымка.

– Хватит скакать, оглашенный! – подошел ближе Силантий Андреев, положил ему руку на плечо. – Хм, ребра просвечивают. Однако же целые. А кости целы – мясо нарастет. Коли антонова огня не случится, конечно же... Эй, племяш! Сумку мою найди, Кудеяр. Там мох болотный заготовлен. На спину ему наложи, пока кровью не истек, да тряпицей замотай плотно.

– Сделаю, дядя Силантий!

– Ганс! Раненых и павших сочтите! – громко скомандовал Иван Егоров. – Кондрат, Силантий, Серьга, Михайло, за мной!

Казак, держа наготове оружие, вслед за атаманом вошли под крышу капища, по набросанной в несколько слоев сыромятной коже миновали развешанные черепа, раскрашенные сажей и кровью циновки, небольшой очаг, в котором тлели голубоватыми огоньками крупные древесные угли, откинули закрывающий путь в самую глубину полог – и ахнули! Там на застеленном замшей возвышении тускло отливала желтизной истукан в половину человеческого роста высотой и с достоинством длиною в полсажени.

– Свят, свят, свят, – размашисто перекрестился Михейко Ослоп. – Да в нем, верно, пудов десять веса выйдет!

– Может, и более, – согласился воевода, убирая саблю. – Главное, чтобы струг выдержал, дно не проломилось. Мыслью, слеги кинуть надобно и шкурами для мягкости застелить. Сделаешь, Андреев?

– Не беспокойся, атаман. Погрузим.

– Тогда ты за старшего. Михейко, выволакивай истукана!

Снаружи опять слышались крики, визг, и воевода поспешил туда.

В это самое время из озера спешили выбраться на берег девушки. Они увидели плывущие по глади озера струги – и попытались спастись от новой опасности. Митаюки-нэ, надеясь незамеченной сбежать в перелесок, сразу пошла наискось, в сторону от святилища, ближе к дороге. Однако остальные воспитанницы устремились за ней, да еще с испуганными криками, и несчастных заметили, сразу несколько дикарей побежали наперерез. Юная шаманка попыталась парализовать их волю, но силы и опыта не хватило, враги даже не замедлили шага, что-то насмешливо крича.

– Их всего десять, а нас много! – крикнула Тертятко-нэ. – Бежим, всех не поймают!

Поначалу Митаюки-нэ подумала так же, спеша домчаться до перелеска, но странные дикари тоже оказались шустры, на дорогу выскочили первыми, преграждая путь. Девушки повернули левее, ближе к воде. Чужаки, расходясь, обнажили свои сверкающие палки, грозно закричали. Девушка ощутила накатившуюся от них волну гнева с остро-кислым привкусом смерти и замедлила шаг, вскинула руки:

– Стойте, девочки! Они могут убить. Они готовы зарезать нас, если не подчинимся.

Воспитанницы, притихнув, остановились, потом попятились. Дикари, охватив их полукольцом и помахивая руками, погнали пленниц к святилищу, к наконец-то разгоревшемуся костру. От их взглядов, их желаний, которые хорошо ощущали многие девушки, несчастным стало не по себе...

– Ганс! Что с потерями? – прищурившись от ударившего в лицо кострового жара, громко спросил Егоров.

– Двое погибших, девять раненых, – тут же ответил Штраубе. – Но у всех токмо кости поломаны. Месяцок в лубках походят, и снова в строй ставить можно.

– А это что за бабы? – кивнул воевода на согнанных на площадь женщин и девок.

– Так ведь право победителя, атаман! – отозвались казаки. – Побаловать маленько дозвошь! Нешто не заслужили?

– Вы баловать станете, а остальные вкалывать? – сурово спросил воевода. – Мы за золотом пришли или похоть свою тешить? Вам делать нечего? Струги встретьте, амулеты с убитых соберите, идола погрузить помогите, кожи соберите, каковые в этих двух домах имеются. Бо в остроге все стены голые. А тут, кроме золота и шкур, ничего и не взять. Ну, чего встали?! Пospешайте! Мы хоть победили, а язычников все едино больше. Как бы не собрались да за позор не отомстили!

– Да как же так, атаман? – жадно облизываясь на пленниц, взмолились казаки. Молодые парни были не в силах так просто отказаться от обильной сладкой добычи. – Не по обычаю...

– Не к месту сейчас баловать! – повысил голос атаман, оглядывая ладных, ухоженных, статных и пышнотелых девок... и сломался: – С собой нескольких выберите, потом свое наверстаете. Но быстро, и к делу!

– Любо атаману! – восторженно провозгласили получившие поблажку воины и принялись торопливо перебирать пленниц, одних отводя к озеру и сразу связывая руки, других просто отпихивая.

Митаюки-нэ, поняв, что происходит, отчаянно взмолилась к богам земли и воды, чтобы не показаться дикарям красивой, попыталась растрепать волосы, сдвинула кухлянку, пытаясь уменьшить грудь, скривила лицо... Однако, когда порождения проклятой Нине-пухуца добрались до нее, то восторженно зацокали языками, свели руки ей за спиной, смотали ремешком и

толкнули к берегу. И девушка, понимая всю безнадежность своей участи, смиренно пошла к остальным несчастным, впервые в жизни проклиная свою удивительную неземную красоту.

– Что теперь будет? – спросила ее Тертятко-нэ, тоже оказавшаяся среди отобранных.

– Лучше бы мы умерли... – ответила девушка... и неожиданно вспомнила вчерашнее пророчество черной шаманки.

«И в смерти может прийти спасение...»

Почему она не вспомнила о нем чуть раньше? Почему не пошла наперекор дикарям, приняв от них быструю и простую смерть?

Митаюки-нэ упала на колени и горько заплакала.

Между тем исчадия нижнего мира спешно творили свои поганые дела. На причалившие к берегу огромные лодки из толстого теса они тащили длинные жерди, свертки кож, тяжелые корзины и снова свертки, помогали забираться на борт раненым. Вспомнили и про пленниц, загнав их на один из стругов и указав на кожи, набросанные на корме. Одиннадцать несчастных послушно перебрались в указанное место, усевшись на дно вперемишку с прочей добычей.

Уже с борта большой лодки Митаюки-нэ видела, как вытащенный из святилища мужской бог был обвязан веревкой. Дикари перебросили ее через верхние ветки прибрежной ивы, все вместе навалились, поднимая добычу в воздух, а когда идол закачался над водой, под него подогнали одну из лодок и медленно опустили внутрь...

Наверное, покровительство мужского бога и было главной целью дикарей. Погрузив идола, они сразу отплыли и стремительно помчались через озеро.

К берегу дикари привалили уже в полной темноте. Однако даже мрак не остановил злобных пришельцев. Высадив девушек, они стали протаскивать свои громадные лодки через несоизмеренно крохотный ручей. И, к удивлению Митаюки-нэ, им это удалось. Правда, провозились дикари всю ночь и только на рассвете добрались до большой реки. Пленниц опять загнали на скатки из кожи, лодки помчались вниз по течению... Тут уставшую, измученную девушку и сморил крепкий сон.

Струги катились вниз по течению без остановок. Отец Амвросий хотел отпеть погибших достойно, в церкви, а долгий путь телам не на пользу. Воевода, в свою очередь, опасался погони и рискнул на ночные переходы, чтобы оторваться как можно дальше. Кормчие, пройдя по реке вверх, опасных мест не помнили и тоже не возражали. Гребцы на веслах особо не перетружались, и их можно было поделить на дневные и ночные смены. Посему так и сложилось, что вместо восьми полных дней, потраченных на подъем, к острогу казаки вернулись всего за два, задолго до сумерек с ходу врезавшись носами в берег под главной башней.

Сложенная из бревен громадина изумила Митаюки-нэ так, что на время девушка забыла про свои несчастья. Неужели жалкие грязные дикари способны соорудить подобную хижину, больше похожую на рукотворные скалы? В том, что громадина рукотворная, девушка ничуть не сомневалась. Не может ни буря, ни наводнение уложить деревья в стопку правильной формы, не могут вкопать стволы в землю плотно один к другому, да еще и заточить поверху. Она даже заподозрила, что на самом деле дикари – тоже одно из племен могучих сир-тя, просто отделившееся и потерянное.

На берегу путников встречали женщины и несколько воинов. Тоже одетых странно, в кухлянки неведомого странного покроя. Многие из мужчин кинулись обниматься. Причем каждый со своей женщиной.

Получается, у неведомого племени тоже есть семьи?

Затянув лодки дальше на берег, дикари начали их разгружать. Узлы, корзины, скрутки... Дошла очередь и до пленниц. Суровый курчавый и бородатый мужчина, в синей кухлянке и с серьгой в ухе грозно прикрикнул на них, поманил к себе. Девушки стали подниматься, пробираться вперед, переваливаясь за борт. К счастью, дикарь ловил их и ставил на ноги, так что даже со связанными руками никто не упал. По склону девушек загнали вверх, в большу-

щий проход внизу рукотворной скалы, дальше через обширную внутреннюю площадь к другой скале, чуть меньше первой, запустили по одной в узкий проход внизу, указали на лесенку, ведущую вверх.

Митаюки-нэ поднялась первой и оказалась внутри просторного, примерно десять на десять шагов, чума. Правда, стены здесь были вертикальными и толстыми, прочными, собранными из стволов, потолок – тоже ровным, горизонтальным, из слег. Пол же застилал толстый слой лапника.

Следом неуклюже забрались и упали на еловые ветки еще три девушки – и слышались удаляющиеся шаги.

– Куда их уводят, Ми? – тревожно спросила Тертятко-нэ. – Их съедят, да? Дикари, наверное, голодные после дороги. Я сама есть хочу до жути!

– Все будет хуже. Намного хуже, – покачала головой девушка. – Нужно было умереть, пока была такая возможность. Теперь поздно...

Митаюки-нэ, лежа на спине, бессмысленно смотрела в потолок, в еще одно отверстие, к которому вела лестница. Сквозь отверстие просматривался еще потолок. Интересно, сколько их в этой деревянной скале? Сколько чумов поставили дикари один поверх другого, чтобы возвести такую махину? Как могли сотворить подобное жалкие существа, обитающие на окраине мира?

Снизу слышалось шуршание, вверх вылетели несколько скруток, потом поднялся дикарь. Отпихнув уже поднятые кожи, он принял еще с десятков свертков. О чем-то переговорив с нижним воином, полез выше, а из-под пола поднялись еще двое мужчин. Они стали передавать скрутки выше, но только несколько. Остальные расстелили на полу поверх слоя лапника, отчего в деревянном чуме сразу стало намного мягче, иглы больше не кололи кожу, сучки не царапались – все осталось внизу, под толстой сыромятиной.

Пока дикари занимались делом, они небрежно перекачивали девушек с места на место. Однако, управившись, заинтересовались ими куда больше. Возле Митаюки-нэ присел дикарь бледный и остроносый, пахнувший чем-то кислым пополам с дымом. Что-то сказав, он скользнул ладонью по телу пленницы, пару раз мягко сжал грудь, потом сдвинул руку ниже, запустил под край кухлянки, поглаживая тело своей жертвы, касаясь каждого его изгиба и выемки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.